

Оноре де Бальзак

Шуаны, или Бретань
в 1799 году

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Оноре Бальзак

Шуаны, или Бретань в 1799 году

«ФТМ»

1829

Бальзак О. д.

Шуаны, или Бретань в 1799 году / О. д. Бальзак — «ФТМ», 1829

Действие «Шуанов» происходит в конце 1799 года. То были последние месяцы правления так называемой Директории и первые недели Консульства, возглавлявшегося Наполеоном Бонапартом. Власть в стране находилась в это время в руках крупной буржуазии, которая воспользовалась в своих интересах победой буржуазной революции во Франции. В основе романа лежит один из эпизодов борьбы республиканских войск с шуанами, во главе которых стояли дворяне-роялисты и католические священники. Восстание шуанов 1799 года в западных провинциях страны – Бретани и Вандее – было последней серьезной вспышкой роялистского мятежа, который охватил в 1793 году всю северо-западную Францию. Мятеж этот вдохновлялся из-за рубежа – из Англии, снабжавшей восставших оружием и деньгами.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оноре де Бальзак

Шуаны, или Бретань в 1799 году

Господину Теодору Даблену, негоцианту. Первому другу – первое произведение.
Де Бальзак

Часть первая

Засада

В один из первых дней VIII года, в начале вандемьера¹, или, по обычному календарю, в конце сентября 1799 года, человек сто крестьян и довольно большое число горожан шли утром из Фужера в Майенну и уже поднимались на гору Пелерину, на полпути от Фужера до Эрне, маленького городка, где путешественники обычно останавливаются на отдых. Этот отряд, разделенный на группы, не одинаковые по своей численности, представлял собою соединение столь странных костюмов и столь необычное сборище людей разных профессий и уроженцев разных местностей, что нелишним будет привести их отличительные черты, дабы придать нашему повествованию те яркие краски, которые теперь так ценят, хотя, по мнению иных критиков, они мешают изображению чувств.

Крестьяне в большинстве своем шли босиком, одетые только в длинный козий мех, прикрывавший их от шеи до колен, да в штаны из очень грубого белого холста, – толстая и неровная его пряжа изобличала слабое развитие промыслов в этом крае. Длинные космы прямых волос так естественно переплетались с шерстью и так плотно закрывали лица, склоненные к земле, что легко можно было счесть козий мех, облекавший эти жалкие существа, за их собственный и принять их за тех животных, чьи шкуры служили им одеждой. Однако, присмотревшись, вы увидели бы, как сквозь волосы блестят глаза, словно капли росы в густой листве, но взгляд этих глаз, хотя в них и отражался человеческий разум, несомненно, скорее отпугивал, чем привлекал. На голове у каждого была грязная шапка из красной шерсти, похожая на фригийский колпак, который Республика в ту пору избрала эмблемой свободы. Каждый нес на плече крепкую дубовую палку, и на конце этой суковатой дубинки висел длинный, но тощий холщовый мешок.

У некоторых поверх колпака была надета грубая войлочная шляпа с широкими полями, украшенная чем-то вроде синели – пестрым шерстяным шнурком, обвивавшим тулью; вся одежда была у них сшита из такого же холста, как штаны и мешки их спутников, и в ней едва были заметны признаки современной цивилизации. Длинные их волосы ниспадали на воротник куртки с круглыми полами, доходившими до бедер, и с боковыми квадратными кармашками, – одежда, весьма обычная у крестьян Западной Франции. Под курткой, открытой на груди, виднелся холщовый жилет с большими пуговицами. Одни из этих крестьян были обуты в деревянные сабо, другие бережно несли в руках кожаные башмаки. Их одежда, заношенная, грязная, потемневшая от пота и пыли и менее своеобразная, нежели описанная нами выше, имела свою историческую ценность, являясь как бы переходной ступенью

¹ «В один из первых дней VIII года, в начале вандемьера...» – Вандемьер – «месяц сбора винограда» – первый месяц французского революционного календаря. Первым днем нового летосчисления считалось 22 сентября 1792 г., день провозглашения Первой Французской республики. По этому календарю год делился на 12 месяцев, в каждом месяце было 30 дней, что составляло 360 дней; оставшиеся вне месяца дни назывались «дополнительные дни» такого-то года. Вторым месяцем был упоминаемый в тексте романа брюмер («месяц туманов»). Названный там мессидор («месяц жатвы») был десятым месяцем нового календаря. В 1806 г. республиканский календарь был упразднен.

к почти нарядному одеянию нескольких человек, рассеянных в толпе и блиставших в ней подобно цветам. В самом деле, их синие холщовые шаровары, красные или желтые жилеты, украшенные двумя параллельными рядами медных пуговиц и похожие на квадратные латы, выступали среди белых и меховых одежд яркими пятнами, как васильки и маки в поле пшеницы. У иных на ногах были сабо, которые бретонские крестьяне сами превосходно умеют делать, но у большинства – очень грубые башмаки с железными подковками, а платье, сшитое из толстого сукна, весьма напоминало старинные французские кафтаны, ибо и до наших дней крестьяне все еще свято хранят этот покррой. Воротник рубашки застегивался серебряной запонкой, изображавшей сердце или якорь. Котомки были у них набиты плотнее, чем у других, а многие добавили к своему дорожному снаряжению флягу, несомненно с водкой, и держали ее на бечевке, надетой через голову.

Несколько горожан выделялись среди этих полудикарей приметами самой последней местной моды: они носили круглые шляпы, треуголки или фуражки, сапоги с отворотами или башмаками и гетры, но так же, как и у крестьян, в их костюмах не было однообразия. Человек десять были одеты в короткие куртки, известные при Республике под именем *карманьолы*. Другие, судя по всему богатые ремесленники, с головы до ног облеклись в одноцветное сукно. Самые щеголеватые отличались более или менее потертыми фраками или сюртуками из синего или зеленого сукна; эти горожане, несомненно именитые особы, были обуты в сапоги различных фасонов и шли, бодро помахивая толстой тростью, как люди, примирившиеся со своей участью. Тщательно напудренные головы и довольно искусно заплетенные косицы свидетельствовали даже о некоторой изысканности, какую прививают начатки богатства или воспитания. Всех этих людей, казалось, удивленных тем, что их как бы случайно собрали из разных мест, можно было счесть за толпу удрученных погорельцев, изгнанных пожаром из родных гнезд. Но время и место такого сборища придавали ему совсем иное значение. Отряд почти целиком состоял из людей, которые четыре года тому назад воевали против Республики, и наблюдатель, посвященный в тайны гражданских распри, волнувавших в те годы Францию, легко распознал бы тут немногих граждан, на чью верность страна могла рассчитывать. Одна довольно резкая черта не оставляла никакого сомнения в том, что этих соединенных вместе людей разделяла разница в убеждениях. Только республиканцы шли весело. Остальные, хотя и заметно отличались друг от друга одеждой, все же сохраняли нечто общее в выражении лица, в позах и в движениях, равно отмеченных несчастьем: и на горожанах, и на крестьянах лежал отпечаток глубокого уныния. В их молчании была угрюмая скорбь; казалось, они сгибались под бременем одной и той же мысли, вероятно, зловещей, но тщательно сокрытой, ибо лица их были непроницаемы, и только необычная медлительность шагов могла выдать какие-то тайные замыслы этих людей. У некоторых из них висели на груди четки, несмотря на опасность выставлять напоказ символы религии, скорее отмененной, чем уничтоженной; время от времени они встряхивали волосами, осторожно поднимали голову, украдкой разглядывали лес, тропинки, скалы, обступившие дорогу, и всем своим видом напоминали тогда охотничью собаку, которая держит нос по ветру, стараясь учуять дичь; не слыша ничего, кроме однообразного звука шагов своих безмолвных спутников, они вновь опускали голову, и вновь возвращалось к ним выражение безнадежности, словно у преступников, которых гонят на каторгу, где им суждено жить и умереть.

Движение отряда на Майенну, разнородный его состав и различные чувства этих людей довольно просто объяснились присутствием другого отряда: в голове колонны шло около ста пятидесяти вооруженных солдат в походном снаряжении, под командой *начальника полубригады*. Для тех, кто не был свидетелем драматических событий революции, нелишним будет указать, что такое наименование заменило чин полковника, упраздненный патриотами как слишком аристократический. Солдаты принадлежали к пехотной полубригаде, стоявшей

гарнизонам в Майенне. В те времена раздоров жители Западной Франции называли всех солдат Республики *синими*. Такое прозвище связано с первым республиканским мундиром, синим с красной выпушкой, и воспоминание о нем еще настолько свежо, что описывать этот мундир излишне. Итак, отряд синих служил конвоем целого сборища людей, которые почти все испытывали глубокое недовольство оттого, что их направляли в Майенну, где военная дисциплина должна была быстро придать им единообразие духа, одежды и выправку, пока совершенно у них отсутствовавшую.

Колонна эта представляла собою контингент ополченцев, с трудом собранный в Фужерском округе по закону от 10 мессидора о массовом наборе, принятому Исполнительной директорией Французской республики. Правительство потребовало сто миллионов деньгами и сто тысяч солдат, желая спешно послать подкрепление французским армиям, ибо в ту пору их разбили австрийцы в Италии, пруссаки в Германии, а в Швейцарии угрожали им русские, которым Суворов внушил надежду победить Францию. Западные департаменты, известные под именем Вандеи, Бретань и часть Нижней Нормандии, за три года до того усмиренные после четырехлетней войны стараниями генерала Гоша, видимо, воспользовались моментом и возобновили борьбу. Пред лицом стольких врагов Республика вновь обрела свою первоначальную энергию. Прежде всего она приняла меры для защиты департаментов, подвергшихся нападению, и одной из статей закона от 10 мессидора поручила заботу об этом местным патриотам. На деле же правительство, не имея ни денег, ни войск для борьбы с внутренним врагом, вышло из затруднения законодательным фанфаронством: оно не могло ничего послать в восставшие департаменты, зато оказало им доверие. Может быть, оно надеялось, что эта мера, вооружив одних граждан против других, подавит мятеж *в самом его зародыше*. Статья закона, источник кровавых раздоров, составлена была следующим образом: *Сформировать в западных департаментах вольные дружины*. Это недипломатичное мероприятие принято было на западе Франции столь враждебно, что Директория² сразу потеряла надежду восторжествовать и в скором времени потребовала у двух национальных собраний³ особых мер в отношении тех небольших контингентов, которые следовало набрать в силу статьи закона о «вольных дружинах». Незадолго до начала событий, описываемых в этом повествовании, был обнародован новый закон, изданный в третий дополнительный день VII года, – он предписывал сводить эти слабые контингенты в легионы. Легионы должны были носить название департаментов Сарты, Орна, Майенны, Иля-и-Вилены, Морбигана, Нижней Луары, Мэна-и-Луары. *Эти легионы, – гласил закон, – предназначенные исключительно для борьбы с шуанами, ни в коем случае не подлежат переводу на границы Франции*. Такие скучные, но мало кому известные подробности нужны для того, чтобы понять и слабость Директории, и причину похода этого сборища людей под конвоем синих. Пожалуй, нелишним будет добавить также, что прекрасные и патриотические постановления Директории никогда не получали иного осуществления, кроме опубликования их в «Бюллетене законов». Декреты Республики уже не опирались на идеи, обладавшие великой моральной силой, на патриотизм или террор, которые когда-то заставляли выполнить их, – на бумаге создавались миллионы франков и сотни тысяч солдат, но ни деньги не поступали в казну, ни солдаты – в армию. Пружина революции ослабла в неумелых руках, и законы, вместо того чтобы подчинять себе обстоятельства, приспосаблились к ним.

² Директория – правительство Французской республики в составе пяти «директоров»; оно представляло интересы крупной буржуазии, разбогатевшей на спекуляциях. Директория просуществовала с конца 1795 г. по 9 ноября 1799 г. (18 брюмера), когда возвратившийся из египетского похода Наполеон совершил государственный переворот и установил режим военной диктатуры.

³ «...потребовала у двух национальных собраний...» – точнее, у двух палат, из которых состоял Законодательный корпус в годы Директории: Совет Пятисот и Совет Старейшин.

В департаментах Иля-и-Вилены и Майенны командующим войсками был тогда старый офицер; увидев на месте, какие меры лучше всего принять, он решил попытаться вырвать рекрутов у Бретани и особенно у Фужера, одного из самых опасных очагов восстания шуанов. Он надеялся ослабить таким путем силы округов, угрожавших Республике. Преданный родине солдат воспользовался мнимой предусмотрительностью закона и объявил, что он тотчас же экипирует, вооружит рекрутов и готов выплатить месячное жалованье, обещанное правительством этим особым войсковым частям. Хотя Бретань в те годы отказывалась от всякого рода военной службы, призыв благодаря этим посулам прошел весьма удачно с такой быстротой, что командующий даже встревожился. Но старого вояку трудно было провести. Как только он увидел, что часть ополченцев немедленно явилась в округ, он заподозрил какую-то скрытую причину столь быстрого сбора и, пожалуй, верно угадал ее, предположив, что бретонцы хотят добыть себе оружие. Он решил тогда, не дожидаясь запоздавших, отойти на Алансон, ближе к покорным округам, хотя из-за восстания, разраставшегося в крае, успех этого плана был весьма гадательным. Повинуясь инструкции, он хранил в глубочайшей тайне неудачи французских армий и малоутешительные вести из Вандеи и в то утро, с которого начинается наш рассказ, сделал попытку достичь форсированным маршем Майенны, где он намеревался применить закон по-своему: пополнить *новобранцами* из Бретани состав полубригады. Слово «новобранец», впоследствии столь распространенное, впервые заменило в тексте законов название «рекрут», первоначально данное молодым солдатам республиканских войск. Прежде чем выступить из Фужера, командир полубригады отдал своим солдатам приказ тайно взять для всего отряда запас зарядов и хлеба, скрыв от новобранцев, что им предстоит долгий путь: он твердо решил не делать привала в Эрне, где его рекруты, оправившись от неожиданности, могли бы столкнуться с шуанами, без сомнения, рассеянными в окрестностях города. Мрачное безмолвие, царившее среди новобранцев, ошеломленных маневром старого республиканца, и медлительность, с которой они поднимались в гору, в высочайшей степени возбуждали подозрения начальника полубригады, носившего фамилию Юло. Характерные подробности, указанные в нашем описании, представляли для него жизненный интерес, и поэтому он шел в безмолвном раздумье среди пяти офицеров, которые почтительно молчали, видя его озабоченность. Но в ту минуту, когда Юло поднялся на вершину Пелерины, он вдруг, точно по инстинкту, обернулся, желая взглянуть на встревоженные лица новобранцев, и сам прервал молчание. Бретонцы шли все медленнее и уже отстали от конвоя шагов на двести. Юло возмутился и сделал свойственную ему одному гримасу.

— Какого дьявола! Что творится с этими неженками! — крикнул он зычным голосом. — Наши новобранцы, видно, не раскрывают, а закрывают свои циркули.

При этих словах сопровождавшие его офицеры разом обернулись, словно проснувшись от внезапного шума. Сержанты и капралы последовали их примеру, и рота остановилась, не дожидаясь желанной команды «стой!». Сначала офицеры бросили взгляд на колонну, поднимавшуюся по склону горы подобно длинной черепахе, но затем эти молодые люди, которых защита отчизны оторвала, как и многих других, от возвышенных умственных трудов и в которых война еще не угасила артистического чувства, поразились зрелищем, открывшимся перед ними, и оставили без ответа замечание Юло, не подозревая всей его важности. Они пришли из Фужера, откуда также видна картина, представшая их глазам, с тою лишь разницей, какую вносят в нее изменения перспективы, и все же они не могли отказаться от удовольствия в последний раз полюбоваться ею, подобно тому как *dilettanti*⁴ тем больше наслаждаются музыкальным произведением, чем лучше знают все его детали.

⁴ Любители искусства (*ит.*).

С вершины горы перед ними развернулась долина Куэннона, а на горизонте самая возвышенная точка занята была городом Фужером. Крепость его, построенная на высокой скале, господствует над четырьмя важного значения дорогами, и благодаря этой позиции он некогда был одним из ключей Бретани. С Пелерины офицеры увидели во всей его шири бассейн Куэннона, столь же замечательный необычайным плодородием почвы, как и разнообразием пейзажей. Со всех сторон поднимаются здесь амфитеатром сланцевые горы; красноватые их склоны одеты дубовыми лесами, и меж них таятся прохладные лощины. Скалы стоят широкой, с виду округлой, оградой, а внутри ее, будто английский парк, мягко раскинулся огромный луг. Множество живых изгородей вокруг наследственных неравных клочков земли, обсаженных деревьями, придают этому зеленому ковру облик, редкостный среди французских пейзажей, и тайна его очарования заключается в многообразии контрастов, которые могут поразить даже самую холодную душу. В эту минуту вся картина края была оживлена мимолетным блеском, каким природа любит порою усилить красоту своих нетленных творений. Пока отряд пересекал равнину, восходящее солнце постепенно рассеяло реявший над лугами белый легкий туман сентябрьского утра, и в тот миг, когда офицеры обернулись, словно чья-то незримая рука сняла с пейзажа последний из окутавших его покровов – дымку, тонкую, как пелена прозрачного газа, наброшенная на драгоценности, которые просвечивают сквозь нее, дразня любопытство. На всем широком горизонте не было в небе ни единого облачка, чья серебристая белизна могла бы убедить, что этот огромный голубой купол – действительно небосвод. Он казался скорее шелковым шатром, опиравшимся на неровные горные вершины и как будто воздвигнутым в воздухе для того, чтобы защитить от непогоды великолепное сочетание полей, лугов, ручьев и рощ. Офицеры не могли налюбоваться этим простором, где неожиданно возникло перед ними столько сельских красот. Одни колебались, не зная, на какой рощице остановить свой взгляд, ибо каждая изумляла разнообразием окраски, казавшейся еще богаче от суровых бронзовых тонов пожелтевшей листвы на фоне изумрудной зелени неравномерно скошенных лугов. Других привлекали контрастами своих оттенков убранные нивы, чередование золотистых полос сжатой ржи и красноватых полей гречихи, где снопы стояли в конических копнах, словно ружья, составленные солдатами в козлы на биваке. То тут, то там виднелись темные шиферные кровли жилищ, и над ними поднимался белый дымок; но больше всего манили взор обманчивой оптической игрой и почему-то пробуждали в душе смутную мечтательность живые серебристые линии извилистых притоков Куэннона. Благоуханная свежесть осеннего ветра, мощные запахи лесов поднимались облаком фимиама, опьяняя наших зрителей, с восхищением созерцавших этот прекрасный край, его незнакомые цветы, буйную растительность и яркую зелень, которой он соперничает с Британией, своей одноименной соседкой. Небольшие стада оживляли эту сцену, уже столь захватывающую. Пели птицы, и над долиной в воздухе трепетала негромкая нежная мелодия. Если читатели пожелают призвать на помощь силу воображения и оно нарисует им роскошную игру света и тени, мгlistый горный горизонт, фантастические дали, открывавшиеся там, где пространство не заслоняли деревья, где воды разливались плесами или бежали прихотливыми излучинами, если воспоминания, так сказать, раскрасят этот набросок, столь же беглый, как и то мгновение, когда он возник, – люди, для которых такие картины не лишены прелести, все же получают несовершенное представление о волшебном зрелище, поразившем офицеров до глубины молодой впечатлительной души.

Они подумали тогда, что беднякам новобранцам тяжело покинуть родной край и дорогие им обычаи, – быть может, для того, чтобы умереть на чужбине; они поняли и невольно простили этим людям их медлительность, но с великодушием, свойственным солдату, скрыли свое снисходительное сочувствие, делая вид, что они просто желают изучить военные позиции этой живописной местности. Однако Юло – лучше называть его «командир», чтобы избежать неблагозвучного наименования «начальник полубригады», – был одним

из тех солдат, которые пред лицом опасности не поддаются очарованию пейзажей, будь это даже рай земной. Он недовольно вскинул голову и насупил густые черные брови, придававшие его лицу суровое выражение.

– Какого дьявола они мешкают? Почему не идут? – вторично спросил он голосом, огрубевшим в походах. – Или в деревне нашлась какая-нибудь добрая Богоматерь, и они пожимают ей на прощание руку?

– Ты спрашиваешь – почему? – откликнулся чей-то голос.

Голос этот напоминал звук рога, которым крестьяне в долинах Бретани собирают свои стада; услышав его, командир резко обернулся, словно его кольнули шпагой, и в двух шагах от себя увидел существо, еще более странное, нежели новобранцы, которых вели в Майенну на службу Республике. У этого незнакомого человека, коренастого и плечистого, голова походила на бычью, и не только своей величиною; от широких мясистых ноздрей нос его казался короче, чем на самом деле; толстые губы, вздернутые над белоснежными зубами, черные круглые глаза и грозные брови, оттопыренные уши и рыжие волосы – все это менее соответствовало нашей прекрасной кавказской расе, чем роду травоядных. И, наконец, полное отсутствие признаков, свойственных человеку как существу общественному, делало эту обнаженную голову еще более примечательной. Лицо, бронзовое от загара, угловатыми своими контурами было сродни граниту, образующему подпочву в Бретани, и являлось единственной доступной взглядам частью тела этого необычайного существа, по самое горло закутанного в балахон из небеленого холста, еще более грубого, чем холст на шароварах самых бедных новобранцев. Балахон, в котором знатоки старины узнали бы «сей», или «сейон», древних галлов, доходил до пояса и пристегивался к штанам из козьей шкуры посредством кусочков дерева, грубо вырезанных и плохо очищенных от коры. Под этими меховыми чехлами, облежавшими бедра и ноги, нельзя было различить очертаний человеческого тела. Огромные сабо закрывали ступни. Длинные лоснящиеся волосы, почти не отличимые от козьей шерсти, окаймляли лицо двумя широкими прядями, как у средневековых статуй, еще встречающихся в старинных соборах. Вместо суковатой палки, которую несли на плече новобранцы, он прижимал к груди, точно ружье, искусно сплетенный из кожаных ремней кнут, вдвое длиннее обычных кнутов. Внезапное появление удивительного пришельца казалось легко объяснимым. Взглянув на него, офицеры предположили, что это новобранец, или рекрут (слова эти еще употреблялись одно вместо другого), и что он поджидает остановившуюся колонну. Однако появление его почему-то поразило командира. Юло отнюдь не казался испуганным, но все же на лицо его легла тень беспокойства, и, смерив незнакомца взглядом, он повторил машинально, словно был поглощен мрачными мыслями:

– Да, почему они не идут? Ты не знаешь?

Сумрачный его собеседник ответил с акцентом, доказывавшим, что ему довольно трудно говорить по-французски:

– Потому что там начинается Мэн и кончается Бретань, – сказал он, протянув большую грубую руку по направлению к Эрне.

И он с силой ударил тяжелым кнутовищем о землю у самых ног командира. Лаконическая отповедь незнакомца произвела на свидетелей этой сцены впечатление, подобное внезапному грохоту тамтама посреди плавных звуков музыкальной мелодии. Слово «отповедь» с трудом может передать ту ненависть и жажду мести, которые выразили высокомерный жест, отрывистая речь и весь облик незнакомца, носивший отпечаток свирепой и холодной энергии. Грубая, корявая оболочка этого человека, как будто вытесанная топором, черты лица, отмеченного тупым невежеством, придавали ему сходство с полубогом какого-то варварского культа. Он стоял в позе пророка, он появился словно дух самой Бретани, пробудив-

шийся от трехлетнего сна для того, чтобы возобновить войну, где каждая победа неизменно влекла за собою двойной траур.

– Ну и образина! – тихо произнес Юло. – Очень похоже, что его подослали те молодчики, которые готовятся повести с нами переговоры ружейными выстрелами.

Пробормотав сквозь зубы эти слова, Юло перевел взгляд с незнакомца на пейзаж, с пейзажа на отряд, с отряда на крутые откосы дороги, поросшие вверх высокими кустами бретонского дрока, затем вновь обратил взор на незнакомца и наконец, как будто подвергнув его немому допросу, резко сказал:

– Ты откуда?

Он впился в пришельца пронизывающим взглядом, стараясь разгадать тайну этого непроницаемого лица, уже ставшего тупым и каменным, – обычная повадка отдыхающего крестьянина.

– С родины молодцов, – ответил незнакомец, не выказывая ни малейшего смущения.

– Как тебя зовут?

– Крадись-по-Земле.

– Почему ты носишь шуанскую кличку? Закон это запрещает.

Крадись-по-Земле, как назвал себя бретонец, посмотрел на Юло с неподдельно глупым недоумением, и старый воин подумал, что этот человек не понял его.

– Ты из фужерских новобранцев?

На этот вопрос Крадись-по-Земле ответил: «Не знаю» – с такой интонацией, которая может привести в отчаяние и делает беседу невозможной. Он спокойно присел у дороги, вытащил из-за пазухи несколько кусков тонкой темной лепешки из гречневой муки – национальное лакомство, убогая прелесть которого понятна только бретонцам, – и с тупым, безразличным видом принялся за еду. В эту минуту он казался существом, вовсе лишенным разума, и офицеры сравнивали его то с одним из тех животных, что щипали траву на тучных пастбищах долины, то с дикарями Америки, то с каким-нибудь обитателем мыса Доброй Надежды. Даже самого командира обманул его вид, и он перестал было тревожиться, но вдруг, бросив из осторожности последний взгляд на этого человека, в котором он подозревал вестника близкой резни, он увидел у него в волосах, на балахоне и козьих шкурах колючки, обрывки листьев, веточки деревьев и кустов, как будто шуан долго пробирался сквозь лесную чащу. Тогда Юло многозначительно посмотрел на своего адъютанта Жерара, стоявшего рядом с ним, и, крепко сжав его руку, сказал вполголоса:

– Пошли за шерстью, а вернемся стриженными.

Удивленные офицеры молча переглянулись.

Здесь необходимо сделать отступление для того, чтобы опасения Юло стали понятны иным домоседам, привыкшим сомневаться во всем, ибо они ничего на своем веку не видели, и способным оспаривать самое существование Крадись-по-Земле и крестьян Западной Франции, чье поведение было в ту пору поразительным.

Слово *gars*, которое произносится как *gâ* (га), является остатком кельтского языка. Из нижнебретонского оно перешло во французский, и в современном нашем языке с этим словом связано особенно много воспоминаний о старине. *Gais* было главным оружием гаэлов, или галлов, *gaisde* означало – «вооруженный», *gais* – «храбрость», а *gas* – «сила». Эти сопоставления доказывают родство слова *gars* с выражениями, существовавшими в языке наших предков. Здесь мы находим аналогию с латинским словом *vir* – «муж», корнем слова *virtus* – «сила, доблесть». Оправданием такого длинного рассуждения послужит национальное чувство, и, быть может, нам удастся реабилитировать в умах некоторых людей слова: *gars*, *garçon*, *garçonnette*, *garce*, *garcette*, обычно изгоняемые из нашей речи, как слова грубые; происхождение этих слов весьма воинственное, и порою они будут появляться в нашем повествовании. Выражение «молодчина баба» – вот плохо понятая похвала, кото-

рую г-жа де Сталь получила в глухом вандейском кантоне, где она провела несколько дней, будучи в изгнании.

Из всех областей Франции в Бретани нравы древних галлов оставили наиболее сильный отпечаток. Та часть Бретани, где еще и поныне дикая жизнь и суеверный дух наших суровых предков, так сказать, сохранили свою свежесть, называется «край молодцов». Если в каком-нибудь кантоне живет значительное число дикарей, подобных герою описываемой нами сцены, местные жители говорят: «молодцы такого-то прихода». И это укоренившееся прозвище как бы служит наградой за их верность старине и традициям гаэльских нравов и гаэльского языка: вся их жизнь хранит глубокие следы верований и суеверных обрядов древних времен. Тут всё еще соблюдают феодальные обычаи. Тут любители старины находят в целостности памятники друидов, а дух современной цивилизации страшится проникнуть сквозь дремучие, первобытные леса. Невероятная жестокость, дикое упрямство, но вместе с тем верность клятве; полное пренебрежение нашими законами, нашими нравами, нашей одеждой, нашей новой монетой, нашим языком и вместе с тем патриархальная простота и героическая доблесть – все способствует тому, что жители этих мест беднее мыслями, чем могикане и краснокожие Северной Америки, но столь же сильны духом, столь же хитры и выносливы, как они. Положение Бретани в центре Европы делает ее более любопытной для наблюдателя, нежели Канада. Она окружена светом цивилизации, но благодетельные лучи не достигают ее, и этот край подобен промерзшему куску угля, остающемуся совсем темным посреди сверкающего очага. Все усилия некоторых великих умов привлечь к общественной жизни и процветанию эту прекрасную область Франции, богатую неразведанными сокровищами, и даже все попытки правительства разбиваются о косность населения, преданного мертвящим обычаям седой старины. Эту беду довольно легко объясняет характер местности, изрезанной оврагами, потоками, озерами и болотами; вздыбленная повсюду щетина живых изгородей, своего рода земляные бастионы, превращающие каждое поле в крепость; отсутствие во всей области дорог и каналов, а также дух невежественного населения, его закоренелые и опасные предрассудки, как то покажут некоторые подробности нашей повести, и нежелание усвоить современные способы земледелия. Гористая поверхность края и суеверия его жителей мешали возникновению больших поселений, а следовательно, благодетельному воздействию общения и обмена идей. Здесь нет деревень. Непрочные постройки, именуемые здесь дворами, разбросаны в одиночку. Каждая семья живет в своем *дворе*, как среди пустыни. Единственные известные здесь сборища – сходки, созываемые в каждом приходе по воскресеньям и другим церковным праздникам. На этих молчаливых собраниях царит «ректор» – властитель этих грубых умов, и длятся они иногда несколько часов. Выслушав грозную речь священника, крестьянин на всю неделю возвращается в свое вредное для здоровья жилище, выходит из него утром на работу и возвращается на ночлег. Если кто и навещает его, то только ректор – душа края. Не удивительно, что по призыву священников тысячи людей ринулись против Республики и за пять лет до того времени, к которому относится наше повествование, эта часть Бретани доставила множество солдат для первого мятежа шуанов. Братья Котро⁵, смелые контрабандисты, которые дали название этой войне, занимались своим опасным ремеслом на всем пространстве от Лавалья до Фужера. Но в восстании этой провинции не было ничего благородного, и можно с уверенностью сказать, что если Вандея разбой превратила в войну, то Бретань войну превратила в разбой. Изгнание королевского дома и запрещение религии служили шуанам лишь поводом для грабежа, и события этой междоусобной войны отмечены дикой

⁵ *Братья Котро*. – Один из них Жан, прозванный Шуан (то есть Сова, по его характерному свисту-сигналу, отсюда – «шуаны»), был предводителем вандейских контрреволюционных банд. Он поднял мятеж против Республики в конце 1793 г. и был убит в 1794 г. Ко времени действия «Шуанов» в живых остался лишь один из братьев Котро.

жестокостью, свойственной местным нравам. Когда подлинные защитники монархии явились в Бретань с целью набрать солдат среди ее невежественного и воинственного населения, они тщетно пытались придать при помощи белого знамени какое-то величие гнусным действиям мятежников. Шуаны показали памятный пример, насколько опасно поднимать нецивилизованные массы страны. набросок первой долины Бретани, открывающейся путешественнику, описание людей, входивших в отряд новобранцев, портрет бретонца, появившегося на вершине Пелерины, дают вкратце верную картину этой провинции и характера ее жителей. Изошренное воображение может по этим деталям нарисовать театр и способы войны шуанов – тут были налицо все ее элементы. В живописных долинах, за цветущими изгородами прятались невидимые враги, готовые к нападению. Каждая нива была тут крепостью, каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол старой вербы таил какую-нибудь военную хитрость. Поле сражения было повсюду. Шуаны подстерегали синих на поворотах дорог, девушки улыбками завлекали их под огонь ружей, не видя в том предательства. Они ходили с отцами и братьями на богомолье просить деревянную, источенную червями Богоматерь наставить их в новых хитростях и отпустить им грехи. Религия, или, вернее, фетишизм, этих невежественных созданий избавлял убийцу от угрызения совести. И поэтому, едва началась такая война, все в этом краю стало опасным: шум и тишина, милость и террор, домашний очаг и большая дорога. В предательствах тут была убежденность. Эти дикари служили Богу и королю такими же способами, какими ведут войну могикане. Но для того чтобы дать правдивую и совершенно точную картину этой борьбы, историк должен добавить, что, лишь только был подписан мир, предложенный Гошем, весь край вновь стал веселым и дружественным. Семьи, еще накануне готовые растерзать друг друга, на следующий день спокойно ужинали под одной кровлей.

В ту минуту, когда Юло разгадал тайну вероломных замыслов, которую выдали ему козыи шкуры Крадись-по-Земле, он убедился, что благодетельный мир, каким Франция обязана была дарованиям Гоша, нарушен и сохранить этот мир невозможно. Итак, в результате трехлетнего бездействия правительства война возобновлялась, и, несомненно, более ужасная, чем прежде. Революция, смягчившаяся после 9 термидора⁶, теперь, очевидно, должна была вновь прибегнуть к террору, который сделал ее ненавистной для благонамеренных умов. И как всегда, внутренние раздоры во Франции разжигало золото Англии. Республика, покинутая молодым Бонапартом⁷, казавшимся ее гением-покровителем, видимо, была не в состоянии сопротивляться стольким врагам, а самый жестокий из них выступил последним. Гражданская война, возведенная множеством отдельных мелких восстаний, явно принимала новый, небывало серьезный характер, раз шуаны задумали напасть на такой сильный конвой. Вот какие размышления, хотя и гораздо менее краткие, возникли в голове Юло, как только он увидел в появлении Крадись-по-Земле признак искусно подготовленной засады; но сначала лишь он один проник в тайну опасности.

Молчание, наступившее после пророческой фразы Юло, обращенной им к Жерару в конце предыдущей сцены, помогло командиру вновь обрести хладнокровие. Старый солдат едва не растерялся. Он не мог прогнать облако заботы, омрачившее его лоб, когда подумал о том, что его уже подстерегают ужасы войны, зверской жестокости которой устыдились бы и каннибалы. Его друзья, капитан Мерль и майор Жерар, пытались объяснить себе столь новое для них боязливое выражение на лице Юло: они смотрели на Крадись-по-Земле,

⁶ «Революция, смягчившаяся после 9 термидора...» – то есть после 27 июля 1794 г., когда были свергнуты якобинцы. В действительности, смягчился террор против врагов Республики, якобинцы же подверглись жесточайшим преследованиям.

⁷ «Республика, покинутая молодым Бонапартом...» – Бонапарт предпринял поход в Египет, но бросил армию и возвратился в октябре 1799 г. в Париж, когда узнал о создавшихся к концу 1799 г. благоприятных условиях для свержения Директории.

который жевал лепешку, сидя у дороги, и оба не могли найти ни малейшей связи между этим подобием животного и тревогой их отважного командира. Но вскоре лицо его просветлело. Горюя о бедствиях Республики, Юло радовался случаю послужить ей в сражении и весело дал себе слово не попасть впросак и разгадать дьявольски хитрого лазутчика, которого подослали шуаны, оказав таким выбором честь неприятелю. Прежде чем принять решение, он принялся рассматривать позицию, где враги хотели напасть на него врасплох. Увидев, что дорога, на которой он остановился, проходит через овраг неглубокий, но окаймленный лесом и что к этому оврагу ведет несколько тропинок, он нахмурил густые черные брови и взволнованным голосом тихо сказал двум своим друзьям:

– Мы попали в осиное гнездо.

– Чего же вы боитесь? – спросил Жерар.

– Боюсь? – переспросил Юло. – Да, боюсь. Я всегда боялся, как бы меня, словно собаку, не пристрелили из лесу, даже не крикнув: «Берегись!»

Мерль засмеялся:

– Ну, «берегись» – это уж роскошь!

– Нам в самом деле грозит опасность? – спросил Жерар, удивляясь хладнокровию Юло не меньше, чем его мимолетному страху.

– Тс-с! – сказал командир. – Мы залезли в волчью пасть. Темно, как в печи, и тут надо зажечь свечку. Хорошо еще, – добавил он, – что мы поднялись на вершину этой горы!..

Он наградил гору энергичным эпитетом и добавил:

– А все-таки я, пожалуй, разберусь, в чем тут дело.

Командир поманил обоих своих друзей, и втроем они обступили Крадись-по-Земле. Шуан вскочил, как будто боясь помешать им.

– Сиди на месте, бездельник! – крикнул Юло и толкнул шуана на откос, с которого тот поднялся.

С этого мгновения командир полубригады не отводил от беспечного бретонца внимательного взгляда.

– Друзья! – тихо сказал он обоим офицерам. – Пора вам сказать, что в парижской лавочке разгром⁸. После потасовки в национальных собраниях Директория опять прошла метлой по нашим рядам. Эти пентархи⁹, или, вернее сказать, пентюхи, только что потеряли хорошего солдата: Бернадот больше не хочет с ними связываться.

– А кто теперь вместо него? – быстро спросил Жерар.

– Миле-Мюро, старый режим. Неподходящее время давать ход таким болванам. У наших берегов уже взлетают английские ракеты. Все вандейские и шуанские жуки гудят в воздухе, и те, кто управляет этими марионетками, сумели выбрать момент, когда наш корабль дал течь.

– Как так? – спросил Мерль.

– Наши армии повсюду разбиты, – продолжал Юло, еще более понижая голос. – Шуаны уже дважды перехватывали курьеров: последние депеши и декреты я получил только с нарочным, которого послал Бернадот, когда уходил из министерства. К счастью, друзья тайком сообщили мне об этом разгроме. Парижские предатели, как это открыл Фуше, известили тирана, Людовика Восемнадцатого, что ему надо послать главаря своим приспешникам во Франции. Думают, что Баррас изменяет Республике. Короче говоря, Питт и принцы¹⁰

⁸ «...в парижской лавочке разгром». – Юло называет «лавочкой» правительство Директории, к которому французский народ относился с презрением.

⁹ «Эти пентархи...» – Пентархия (греч.) – «пятивластие» (членов Директории было пять).

¹⁰ «...Питт и принцы...» – Питт Вильям-младший (1759–1806) – английский премьер-министр, вдохновитель и организатор войн против революционной, а потом и против наполеоновской Франции. Принцы – это Бурбоны: граф д'Артуа, граф Прованский (провозглашенный королем Франции под именем Людовика XVIII, но вступивший на трон только в 1814 г.)

послали сюда одного «бывшего», человека напористого и талантливового; говорят, он хочет соединить силы вандейцев и шуанов и сбить с Республики ее фригийский колпак. Мошенник уже высадился в Морбигане. Я это узнал первым и сообщил парижским умникам. Он взял себе прозвище «Молодец». Все эти скоты, – сказал Юло, указывая на Крадись-по-Земле, – придумывают себе такие клички, что честного патриота схватили бы колики, если б он вздумал так назвать себя. Итак, Молодец в нашем округе. Появление подосланного шуана, – и он снова указал на Крадись-по-Земле, – ясно говорит, что за нами гонятся. Но старую обезьяну гримасам не учат, а вы поможете мне в два счета доставить моих коноплянок в клетку. Хорош я буду, если свалю дурака и дам себя облапошить какому-то бывшему, который явился из Лондона и желает стряхнуть пыль с наших трюголок!

Услышав эти тайные вести о критических обстоятельствах и зная, что их командир никогда не тревожится понапрасну, оба офицера сразу стали серьезными, как и подобает солдатам в час опасности, если они люди крепкой закалки и привыкли разбираться в делах человеческих. Жерар по своему чину, впоследствии уничтоженному, больше всех связанный с командиром, хотел было ответить, а также расспросить о тех политических новостях, о которых Юло явно умолчал, но тот знаком остановил его, и все трое устремили взгляд на Крадись-по-Земле. Шуан не выказывал ни малейшего волнения, хотя видел, что за ним наблюдают люди, опасные для него своим умом и физической силой. Обоим офицерам война такого рода была внове, любопытство их было возбуждено завязкой сражения, представлявшего для них интерес почти романтический; им даже захотелось пошутить, но при первом же веселом слове, которое вырвалось у них, Юло строго посмотрел на своих друзей и сказал:

– Разрази меня гром! На бочке с порохом не курят, граждане. Храбриться не вовремя – все равно что воду решетом носить.

И, наклонившись к своему адъютанту, он шепнул ему на ухо:

– Майор, незаметно подойдите к этому разбойнику и будьте готовы при первом подозрительном движении проткнуть его шпагой. А я приму меры к тому, чтобы должным образом поддержать разговор, ежели наши невидимки вздумают его завести.

Жерар слегка наклонил голову в знак повиновения, затем принялся рассматривать уже знакомые нам виды куэнонской долины. Казалось, он хотел получше разглядеть их и двигался, так сказать, сам по себе, без всякого тайного умысла, но, попятно, пейзаж занимал последнее место в его наблюдениях. Со своей стороны Крадись-по-Земле ничем не показывал, что маневр офицера опасен для него. Он поигрывал своим длинным кнутом, как будто ловил удочкой рыбу в придорожной канаве.

В то время как Жерар старался занять позицию возле шуана, командир тихо сказал Мерлю:

– Дайте кому-нибудь из сержантов десяток отборных солдат и лично поставьте их над нами, на вершине холма – там, где дорога расширяется и идет по площадке: оттуда им будет виден довольно большой кусок пути на Эрне. Выберите такое место, где около дороги нет леса, чтобы сержант мог наблюдать за окрестностью. Из сержантов возьмите Сердце-веда, он толковый парень... Дело нешуточное, я и гроша не дам за наши шкуры, если мы не будем начеку.

Пока Мерль с большой поспешностью выполнял приказание, поняв всю его важность, командир поднял правую руку, и солдаты, которые стояли вокруг и весело болтали, мгновенно умолкли. Другим жестом он приказал разобрать ружья. Когда наступила тишина, Юло посмотрел по обеим сторонам дороги, прислушиваясь с тревожным волнением, словно надеялся уловить заглушенный шум, бряцанье оружия или шаги – предвестники ожидаемой битвы. Его черные, зоркие глаза, казалось, проникали взглядом в самую глубину

леса; но, не заметив никаких признаков опасности, он, подобно дикарям, стал осматривать песок на дороге, пытаясь открыть на нем следы невидимых врагов, дерзость которых была ему известна. Отчаявшись найти хоть что-нибудь, что подтверждало бы его беспокойство, он подошел к обочине дороги, тяжело взобрался на косогор и медленно прошелся по его гребню. Вдруг он почувствовал, как необходима его опытность для спасения отряда, и спустился на дорогу. Лицо его еще более омрачилось, ибо в те времена командиры всегда сожалели, что не могут одни взять на себя самые опасные задачи.

Офицеры и солдаты, заметив озабоченный вид своего начальника, которого они любили за характер и ценили за испытанное мужество, поняли, что настороженность старого воина предвещает какую-то опасность; они не могли и подозревать, насколько серьезна эта опасность, но безотчетно замерли на месте затаив дыхание. Подобно собакам, когда они пытаются угадать намерения искусного охотника и, даже не понимая цели приказаний, в точности ему повинуются, солдаты смотрели то на долину Куэнона, то на лес у дороги, то на суровое лицо командира, стараясь прочесть на нем свою участь. Они переглядывались, и не раз улыбка перелетала с одних уст на другие.

Когда Юло сделал обычную свою гримасу, Скореход, молодой сержант, прослывший ротным остряком, тихо сказал:

– Куда же это нас занесла нелегкая? Старый рубака Юло строит постную мину! Прямо как на военном совете!

Юло бросил на него строгий взгляд, и сразу настала тишина, как и подобает в строю. В этой торжественной тишине равномерный звук шагов запоздавших новобранцев, глухой хруст песка под их ногами вносили что-то зловещее во всеобщую тревогу. Это неизъяснимое ощущение могут понять только те, кто в мучительный час ожидания беды чувствовал среди безмолвия ночи, как монотонное повторение какого-нибудь звука усиливает бурные толчки сердца и капля за каплей вливает в него ужас. Юло снова встал посреди дороги и снова спросил себя: «Не ошибаюсь ли я?» В его глазах уже сверкнула молния нараставшего гнева, когда он посмотрел на спокойное и тупое лицо Крадись-по-Земле, но, уловив в тусклом взгляде шуана свирепую иронию, он убедился, что нельзя прекращать спасительные меры. В эту минуту вернулся капитан Мерль, выполнив приказание Юло. Немые участники этой сцены, подобной множеству других сцен, которые сделали эту войну самой драматической из всех войн, нетерпеливо ждали новых впечатлений, сгорая любопытством и надеясь, что другие маневры командира осветят непонятную им военную обстановку.

– Правильно мы сделали, капитан, – сказал Юло, – что в хвосте отряда поставили тех немногих патриотов, которые оказались среди новобранцев. Возьмите с десятков лихих ребят под командой лейтенанта Лебрена и немедленно отведите их в конец отряда – они там подкрепят патриотов и заставят быстрее двигаться все стадо этих гусей, чтобы нам поскорее собрать их вон на том месте, где стоят наши товарищи. Я подожду вас.

Капитан исчез в рядах. Командир поочередно оглядел четырех солдат-храбрецов, известных ему своей сметливостью и проворством, и молча подозвал их: указал на каждого рукой и дружески поманил к себе, быстро помахав пальцем у самого своего носа. Солдаты подошли.

– Вы служили со мной еще при Гоше, – сказал он, – когда мы проучили этих разбойников, которые называют себя *королевскими егерями*. Вам ли не знать, как они прятались и палили в синих из засады!

В ответ на эту похвалу их опытности все четверо с многозначительным видом кивнули головой. Их героически-воинственные лица выражали беспечную покорность, говорившую, что с начала борьбы, завязавшейся между Францией и Европой, границами их мыслей были – патронташ позади и штык впереди. Плотнo сжав губы, словно кисет, стянутый шнурочком, они внимательно и с любопытством смотрели на своего командира.

– Так вот, – сказал Юло, – обладавший искусством говорить живописным солдатским языком, – такие орлы, как вы, не дадут шуанам напасть на нас, а шуаны тут есть, не будь я Юло! Ступайте вчетвером в разведку, прочешите обе стороны дороги. Отряд скоро тронется. Поэтому не зевайте. Постарайтесь не попасть на мушку и разузнайте, что там творится. Да поживей!

И он указал солдатам на опасные вершины у дороги. Все четверо в знак благодарности за доверие приложили руку к старой треуголке, у которой избитое дождями и обмякшее от времени поле загнулось на тулью. Один из четверки, капрал Лароз, хорошо знакомый Юло, сказал ему, звякнув ружьем:

– Мы им сыграем песенку на этой дудочке, командир.

И они отправились – двое направо, а двое налево. Отряд с тайным волнением смотрел, как они исчезли за откосами дороги. Юло разделял эту тревогу: он считал, что посылает разведчиков на верную смерть. Он невольно вздрогнул, когда скрылись из виду их треуголки. С тоской, глубоко затаенной и оттого особенно острой, офицеры и солдаты прислушивались к замирающему звуку шагов по сухим листьям. На войне бывают случаи, когда зрелище четырех человек, рискующих жизнью, вызывает ужас более глубокий, чем тысячи павших у Жемаппа¹¹. Выражение лиц бывает тогда у солдат столь разнообразным и столь мимолетным, что живописцу приходится обратиться к воспоминаниям участников сражений, а мирным умам – предоставить самим изучать эти драматические лица, ибо бури войны, столь богатые подробностями, невозможно описать полностью без нескончаемых длиннот.

В то мгновение, когда исчезли сверкающие штыки четырех солдат, вернулся капитан Мерль, исполнив с быстротой молнии приказ командира. Тогда Юло двумя-тремя словами команды построил солдат на дороге в боевом порядке, затем приказал им подняться на вершину Пелерины где стоял его маленький авангард; но сам он шел последним, спиной к отряду, чтобы следить за малейшими возможными изменениями в любой точке этого ландшафта, который природа создала таким чудесным, а человек сделал таким грозным. Отряд дошел до того места, где Жерар стерег Крадись-по-Земле, и вдруг шуан, казалось равнодушно наблюдавший за маневрами командира, а на деле удивительно умным взглядом следивший за двумя солдатами, которые вошли в лес справа от дороги, свистнул три-четыре раза, подражая звонкому, пронзительному крику совы. Меняя переливы этого звука, три знаменитых контрабандиста, чьи имена мы уже упомянули, по ночам извещали друг друга таким способом о засадах, опасностях – обо всем, что для них было важно. Отсюда и возникло прозвище *шуан*, означающее на местном наречии «сова» или «филин». Это испорченное произношением слово послужило прозвищем всех участников первого восстания, подражавших повадкам и сигналам трех братьев. Услышав подозрительный свист, командир сразу остановился и пристально поглядел на Крадись-по-Земле. Однако он сделал вид, что верит притворной глупости шуана, решив держать его возле себя как барометр, указывающий движение врага. Поэтому он схватил за руку Жерара, который хотел было прикончить шуана. Затем он поставил в нескольких шагах от шпиона двух солдат и громко, отчетливо приказал им пристрелить его при малейшем подозрительном знаке, который он подаст. Несмотря на явную опасность, Крадись-по-Земле не выказал никакого волнения, и командир, наблюдавший за ним, отметил эту бесчувственность.

– Хитрец пересолил, – сказал он Жерару. – Да, да! Нелегко прочесть что-нибудь на лице шуана, но этот мошенник выдал себя желанием показать свою отвагу. Видишь ли, Жерар, если бы он разыграл ужас, я бы просто принял его за дурака. И мы бы с ним были два сапога пара; я уж не знал, что и думать. Сейчас на нас нападут! Но пусть попробуют! Теперь я готов.

¹¹ *Жемапп* – бельгийская деревушка, возле которой 6 ноября 1792 г. молодая армия Первой Французской республики разбила австрийскую армию.

Старый солдат произнес эти слова очень тихо и, с торжествующим видом потирая руки, насмешливо посмотрел на Крадись-по-Земле; затем он скрестил руки на груди и стал посреди дороги, между двух офицеров, своих любимцев, ожидая результата принятых мер. Он был уверен, что предстоит схватка, и спокойно осматривал своих солдат.

– Ого, быть бане!.. – тихонько сказал Скороход. – Командир потирает руки!..

Юло и его отряд оказались в критическом положении, когда действительно на карту поставлена жизнь и когда люди решительные считают для себя честью проявить самообладание и спокойствие мысли. В такие минуты о человеке судят по его делам и выносят ему бесповоротный приговор. Поэтому для Юло, который лучше, чем его офицеры, знал о грозившей опасности, было даже вопросом самолюбия казаться самым спокойным из всех. Поочередно переводил он глаза на Крадись-по-Земле, на дорогу, на леса и с каким-то мучительным нетерпением ждал, когда же раздастся залп шуанов, которые, думалось ему, притаились вокруг, словно лесные духи. Но лицо его оставалось бесстрастным. Зная, что глаза всех солдат устремлены на него, он сморщил свое смуглое и рябое от оспы лицо, вздернул правый уголок рта и прищурил глаза – эту его гримасу солдаты всегда принимали за улыбку. Затем он ударил Жерара по плечу и сказал:

– Ну, теперь мы спокойны. О чем вы хотели меня спросить?

– Какая новая напасть на нас обрушилась, командир?

– Дело не новое, – тихо ответил Юло. – Вся Европа против нас¹², и теперь ей легко вести игру. Пока господа члены Директории дерутся друг с другом, как лошади у пустой кормушки, все их правление трещит по швам, и они оставляют армию без помощи. В Италии нас расколотили! Да, друзья, мы ушли из Мантуи в результате поражения при Требии, а Жубер только что проиграл сражение при Нови. Надеюсь, что Массена отстоит горные проходы в Швейцарии, захваченные Суворовым. На Рейне мы отброшены. Директория послала туда Моро. Удержит ли этот смельчак границу?.. Допустим! Но коалиция в конце концов раздавит нас, и, к несчастью, единственный генерал, который в силах нас спасти, – у черта на куличках, в Египте! Да и как ему вернуться? Англия хозяйничает на море.

– Отсутствие Бонапарта меня не беспокоит, командир, – ответил молодой майор Жерар, человек образованный и незаурядного ума. – Наша революция от этого не остановится. Нет! Мы должны не только защищать французскую землю, у нас двойная миссия. Мы обязаны сохранить душу страны, благородные принципы свободы, независимость и человеческий разум, пробужденный нашими национальными собраниями, – надеюсь, что он будет распространяться все дальше и дальше. Франция – словно путник, которому вверен светоч: одной рукой он держит его, другой охраняет; если ваши известия верны, то еще никогда за последние десять лет не окружало нас столько врагов, которые стремятся загасить этот светильник. Доктрины и страна – все на краю гибели.

– Увы, да! – со вздохом согласился Юло. – Эти шуты, члены Директории, ухитрились поссориться со всеми, кто мог бы умело вести ладью. Бернадот, Карно, все, даже гражданин Талейран, покинули нас. Короче говоря, у нас остался только один добрый патриот – хитрец Фуше, он все держит в руках с помощью своей полиции. Вот это голова! Он-то и предупредил меня вовремя об этом восстании. И все же я уверен, что мы попали в западню.

– Да! Если армия не вмешается в дела правительства, – сказал Жерар, – адвокаты доведут нас до того, что будет хуже, чем до революции. Разве эти фитюльки умеют командовать!

– Я всегда опасаясь одной вести, – продолжал Юло, – вдруг мы узнаем, что они столковались с Бурбонами! Разрази их гром! Если они сговорятся, то в каком положении мы здесь окажемся?

¹² «Вся Европа против нас...» – Речь идет о второй коалиции, объединившей в 1798 г. Англию, Австрию, Россию и некоторые другие страны.

– Нет, нет, командир, до этого не дойдет, – возразил Жерар. – Армия, как вы говорите, поднимет голос, – только бы она не выбирала выражений из лексикона Пишегрю, и тогда, надеюсь, мы увидим, что не для того же мы рубились целых десять лет, чтобы в конце концов другие пряли лен, который мы растили.

– О да! – воскликнул командир. – Недешево нам стоило переменить одежду!

– Ну так вот, – сказал капитан Мерль, – будем по-прежнему действовать как добрые патриоты и постараемся не давать шуанам сообщаться с Вандеей, – ведь если они стакнутся с ней, да если еще Англия сюда замешается, – на этот раз я не поручусь за фригийский колпак единой и нераздельной Республики.

Но тут разговор прервал крик совы, раздавшийся довольно далеко. Командир встревожился и сразу посмотрел на Крадись-по-Земле, но ни один мускул не дрогнул на застывшем, бесстрастном лице шуана. Рекруты, собранные одним из офицеров, сгрудились, как стадо на дороге, шагах в тридцати от роты, построенной для боя. За ними, в десяти шагах, стояли солдаты и патриоты под командой лейтенанта Лебрена. Командир окинул взглядом боевое расположение и в последний раз посмотрел на пикет, выставленный на дороге. Довольный этой диспозицией, он обернулся и уже хотел скомандовать: «Марш!» – как вдруг заметил трехцветные кокарды двух солдат, возвращавшихся из леса по левую сторону дороги. Увидев, что с правой стороны патруль еще не возвратился, Юло решил подождать его.

– Может быть, как раз оттуда и вылетит бомба, – сказал он офицерам, указывая на тот лес, который, казалось, похоронил в своей чаще двоих его разведчиков.

Пока вернувшиеся стрелки отдавали ему нечто вроде рапорта, Юло выпустил из поля зрения Крадись-по-Земле. Шуан вдруг засвистел, да так громко, что этот свист можно было услышать на громадном расстоянии, и, раньше чем его сторожа успели прицелиться в него, он ударом кнута опрокинул обоих на откос у дороги. И тотчас же республиканцев ошеломили крики, вернее, дикие вопли. Из леса, поднимавшегося над откосом, где сидел шуан, грянул залп, и семь-восемь солдат упали. Пять-шесть солдат выстрелили в Крадись-по-Земле, но промахнулись; он с быстротой дикой кошки вскарабкался на кособок и скрылся в лесу; его сабо скатились в канаву, и оказалось, что он обут в грубые башмаки с железными подковками, какие носили королевские егеря. При первых же криках шуанов новобранцы бросились в лес направо от дороги, словно стая птиц, взлетевшая при виде путника.

– Огонь по этим мерзавцам! – крикнул командир.

Отряд выстрелил, но беглецы укрылись от пуль за деревьями и, прежде чем солдаты перезарядили ружья, исчезли.

– Вот! Извольте-ка выполнять декрет о создании легионов в департаментах... – сказал Юло Жерару. – Только наша умница Директория могла рассчитывать на ополчение в этом краю. А еще голосует в законодательных собраниях решения об отпуске нам обмундирования, денег и снаряжения... Лучше бы их давали нам на самом деле.

– Видно, этим жабам их лепешки вкуснее солдатского хлеба, – сказал Скороход, ротный балагур.

Из рядов республиканцев раздались свист и хохот, заклеившие дезертиров, но вдруг снова наступила тишина. Солдаты увидели, что по откосу с трудом спускаются два стрелка, которых командир посылал на разведку в лес справа от дороги. Один из солдат, раненный легко, поддерживал товарища, обагрившего землю кровью. Бедняги добрались до середины спуска, но вдруг показалось отвратительное лицо Крадись-по-Земле; он так метко прицелился в разведчиков, что одним выстрелом прикончил обоих, и они рухнули в канаву. Лишь только солдаты увидели его большую голову, поднялось тридцать ружейных стволов, но, подобно фантастическому видению, он исчез в предательских кустах дрока. Все эти события, для описания которых потребовалось столько слов, произошли в мгновение ока, и в одно мгновение патриоты и солдаты арьергарда присоединились к остальной части отряда.

– Вперед! – крикнул Юло.

Рота быстро двинулась к тому высокому и открытому месту, где был выставлен пикет. Юло построил там солдат в боевом порядке; однако, не заметив никаких враждебных действий со стороны шуанов, он решил, что единственной целью засады было освобождение новобранцев.

– Судя по крикам, – сказал он двум своим друзьям, – их немного. Двинемся быстрым шагом – может быть, дойдем до Эрне, не чувствуя их за спиной.

Эти слова услышал один из новобранцев-патриотов, он вышел из рядов и встал во фронт перед Юло.

– Командир, – сказал он, – я уже участвовал в войне против шуанов. Разрешите сказать два слова?

– Он, поди, адвокат, – шепнул Юло на ухо Мерлю, – эта братия всегда воображает себя на заседании суда. Ну, держи речь, – ответил он молодому фужерцу.

– Командир, шуаны наверняка завербовали этих людей и принесли для них оружие. Если мы только двинемся с места, они будут стрелять из-за каждого дерева и перебьют нас всех до единого, прежде чем мы доберемся до Эрне. Придется *держаться* речь, как ты сказал, но не языком, а пулями. Во время боя, – а он протянется дольше, чем ты думаешь, – кто-нибудь из моих товарищей сбегает в Фужер за Национальной гвардией и вольными дружинами. Хотя мы всего лишь новобранцы, ты увидишь, что мы не из породы ворон.

– Так, по-твоему, шуанов очень много?

– Суди сам, гражданин командир!

Он повел Юло к тому месту, где песок был словно взрыт граблями, и, указав на это, прошел с ним довольно далеко по тропинке, на которой они увидели следы большого числа людей. В землю были втоптаны ногами листья.

– Тут прошли молодцы из Витре, – сказал молодой фужерец, – они двинулись на соединение с шуанами из Нижней Нормандии.

– Как твоя фамилия, гражданин? – спросил Юло.

– Гюден, командир.

– Ну, Гюден, назначаю тебя капралом. Командуй своими земляками. Ты, видно, человек надежный. Поручаю тебе выбрать среди твоих товарищей, кого послать в Фужер. Сам держись около меня. Но прежде всего возьми ополченцев, ступайте и снимите ружья и амуницию с наших бедных товарищей, которых разбойники-шуаны уложили на дороге. Тогда не придется вам получать вражеские гостинцы, не отвечая таким же угощением.

Смелые фужерцы отправились за снаряжением убитых; вся рота защищала их сильным огнем в направлении леса, и им удалось, не потеряв ни одного человека, снять с мертвецов оружие и одежду.

– Из этих бретонцев, – сказал Юло адъютанту, – выйдут славные пехотинцы, если только солдатское житье придется им по нутру.

Гонец Гюдена помчался кратчайшей тропинкой через лес с левой стороны от дороги. Солдаты осмотрели оружие и приготовились к бою; командир сделал им смотр, улыбнулся и встал на несколько шагов впереди, меж двух офицеров, своих любимцев, с твердостью ожидая атаки шуанов. Снова воцарилась тишина, но ненадолго. Триста шуанов, в таких же одеждах, как и новобранцы, выбежали из леса справа от дороги и беспорядочной толпой, с каким-то звериным воем, заняли всю дорогу перед малочисленным отрядом синих. Командир построил солдат двумя равными колоннами, по десять человек в шеренге. В промежутке между этими отрядами он поставил двенадцать наспех вооруженных новобранцев и сам встал впереди них. С обеих сторон дороги его маленькую армию прикрывали два крыла, по двадцати пяти человек в каждом, под командой Жерара и Мерля. Оба офицера должны были, выждав момент, нажать с флангов и не дать шуанам *рассыпаться*. Это слово на мест-

ном наречии обозначает: рассеяться по полю сражения, чтобы каждый мог со своей позиции безопасно для себя стрелять в синих; при таком маневре республиканские войска не знали, где искать врага.

Меры, принятые командиром с быстротой, необходимой в подобных обстоятельствах, вселили в солдат уверенность, и все молча двинулись на шуанов. Через несколько минут, когда противники сошлись, раздался залп в упор, и смерть вырвала у них много бойцов. В это время оба крыла республиканцев, которым шуаны ничего не могли противопоставить, обошли их с флангов и сильным сосредоточенным огнем посеяли смерть и смятение среди врагов. Этот маневр почти установил численное равенство обеих сторон. Однако у шуанов храбрость сочеталась с упорством; они не дрогнули от потерь, сомкнулись и попытались окружить маленький отряд синих, стоявший темными стройными рядами, но занимавший так мало места, что он походил на пчелиную матку среди роя пчел. Завязалось одно из тех яростных сражений, когда редкие выстрелы мушкетов сменяет лязг холодного оружия, – рукопашная схватка врагов, равных своим мужеством, когда победу решает численный перевес. Шуаны сразу же взяли бы верх, если бы крыльям республиканского отряда, под командой Мерля и Жерара, не удалось двумя-тремя перекрестными залпами поразить вражеский арьергард. Флангам синих следовало сохранить свою позицию и продолжать метким огнем уничтожать грозного противника; но опасность, которой подвергался героический батальон, уже полностью окруженный королевскими егерями, встревожила их, они как бешеные бросились на дорогу в штыковую атаку, и на некоторое время силы почти уравнились. Обоими отрядами овладело ожесточение, обостренное всей яростью политической вражды, которая придавала этой войне столь исключительный характер. Каждый дрался молча, поглощенный грозившей ему опасностью. Битва была мрачной и холодной, как смерть. Слышался только звон оружия, хруст песка под ногами да глухие возгласы и стоны тяжело раненных или умирающих, падавших на землю. В республиканском отряде двенадцать новобранцев с такой отвагой защищали командира, поглощенного наблюдением и приказами, что не раз солдаты кричали:

– Браво, рекруты!

Юло, не терявший в бою невозмутимого спокойствия и зоркости взгляда, скоро приметил среди шуанов человека, как и он, окруженного отборным отрядом, – несомненно, их предводителя. Он счел необходимым хорошенько рассмотреть этого офицера и несколько раз пытался сделать это, но лицо шуанского главаря все время заслоняли красные колпаки и широкополые шляпы. Юло ясно видел только Крадись-по-Земле, который стоял рядом со своим начальником и повторял хриплым голосом его распоряжения, не переставая в то же время действовать карабином. Непрерывная помеха привела Юло в раздражение. Он обнажил шпагу и, воодушевив своих новобранцев, с такой яростью атаковал центр неприятеля, что прорвался сквозь толпу шуанов и на мгновение увидел их вожака, но, к сожалению, черты его скрывала фетровая шляпа с белой кокардой. Столь дерзкое нападение изумило незнакомца, он отпрянул, резко сдвинул назад шляпу, и тогда Юло удалось наскоро запечатлеть в памяти его приметы. На взгляд он дал этому молодому вожаку не больше двадцати пяти лет; на нем была охотничья куртка зеленого сукна, за белым поясом торчали пистолеты, на ногах были грубые башмаки с подковками, как у всех шуанов; охотничьи гетры до колен, прикрепленные к коротким штанам из плотного толстого тика, довершали костюм, ловко сидевший на этом невысоком, но стройном, хорошо сложенном человеке. Увидев, что синим удалось пробиться к его особе, он пришел в бешенство и, надвинув шляпу, кинулся им навстречу, но тотчас же его обступили Крадись-по-Земле и несколько других встревоженных шуанов. Между головами людей, теснившихся вокруг этого юноши, Юло, как ему показалось, увидел на его полурасстегнутой куртке широкую красную ленту. Этот знак королевского ордена, в те годы уже совершенно забытого, привлек на секунду внимание командира,

затем он снова перевел взгляд на лицо незнакомца, но скоро потерял его из виду, ибо должен был в сражении наблюдать за безопасностью и действиями своего маленького отряда. Он едва успел заметить блестящие глаза, не уловив, однако, их цвета, светло-русые волосы и довольно тонкие черты загорелого лица. Его поразила ослепительная белизна обнаженной шеи, подчеркнутая черным небрежно завязанным мягким галстуком. Поза этого молодого человека, исполненного бурного воодушевления, была воинственна, как у тех, кто ищет в сражениях условной поэзии. Рука, обтянутая перчаткой, размахивала в воздухе шпагой, сверкавшей на солнце. Движения его отличались изяществом и силой. Искренняя экзальтация, очарование молодости, утонченные манеры этого эмигранта делали его образцовым представителем французского дворянства. Он был полной противоположностью Юло, находившемуся в двух шагах от него, – старый солдат казался живым символом энергичной Республики, за которую он сражался: суровое лицо, синий мундир с красными обтрепанными отворотами, почернелые эполеты, сползавшие на спину, – все так ясно рисовало ее нужду и ее нравственный облик.

Красивая осанка и манеры юноши не ускользнули от взгляда Юло, и он крикнул, пытаясь пробиться к нему:

– Эй ты! оперный плясун, подходи! Я тебя искрошу!

Вождь роялистов, разгневанный таким окриком, бесстрашно бросился к Юло, но как только его люди увидели, что он рискует жизнью, все они ринулись на синих. Вдруг над шумом сражения поднялся нежный и чистый голос:

– Здесь умер святой Лескюр¹³! Неужели вы не отомстите за него?

Слова эти оказали магическое действие: натиск шуанов стал ужасным, и солдатам Республики стоило большого труда сдержать его, не расстроив боевого порядка своего маленького отряда.

«Будь этот человек постарше, – думал Юло, отступая шаг за шагом, – на нас бы не напали. Когда это видано, чтоб шуаны давали сражение? Но тем лучше! Нас не перебьют дорогой, как собак».

Возвысив голос, он крикнул так громко, что это прокатилось по лесу:

– А ну, поднажмем, ребята! Неужто дадим разбойникам напакостить нам?

Глагол, которым мы здесь заменили выражение, употребленное храбрым командиром, является лишь слабым его эквивалентом, но ветераны сражений, конечно, сумеют поставить вместо него соответствующие слова в самом высоком солдатском стиле.

– Жерар, Мерль! – крикнул затем Юло. – Соберите ваших людей, постройте их в каре, отойдите назад, стреляйте по этим собакам, и покончим с ними!

Команду Юло выполнили с трудом, потому что молодой главарь шуанов, услышав голос противника, крикнул:

– Во имя святой Анны Орейской, не выпускайте их! Рассыпайтесь, молодцы!

Когда оба крыла республиканцев, которыми командовали Мерль и Жерар, вышли из рукопашной схватки, за этими маленькими отрядами кинулись враги, упорные и значительно превосходившие их числом. Козьи шкуры со всех сторон окружили солдат Мерля и Жерара, вновь испуская зловещие вопли, похожие на звериный вой.

– Тише, вы, судари! А то и убьют, не услышишь! – крикнул Скороход.

Эта шутка ободрила синих. Республиканцам пришлось теперь драться уже не в одном месте, а защищаться на плоской вершине Пелерины в трех пунктах, и треск ружейной перестрелки разбудил эхо во всех окрестных долинах, еще недавно столь мирных. Победа не давалась ни той, ни другой стороне, и сражение могло бы окончиться само собою,

¹³ Лескюр Луи-Мари – маркиз, ярый реакционер, убитый в 1793 г. в стычке с республиканскими войсками. Контрреволюционное дворянство и духовенство окружило его ореолом мученичества.

за отсутствием бойцов. Синие и шуаны дрались с равной отвагой. В обоих отрядах ярость все возрастала, но вдруг вдали глухо прозвучал барабан, и по направлению этого звука ясно было, что воинская часть, о которой он возвещал, пересекала долину Куэнона.

– Это фужерская Национальная гвардия! – громко крикнул Гюден. – Наверно, Ванье встретился с ней.

Возглас Гюдена долетел до слуха молодого вождя шуанов и его свирепого адъютанта. Роялисты бросились было вспять, но Крадись-по-Земле звериным криком остановил их; молодой вожак вполголоса подал две-три команды, Крадись-по-Земле повторил их шуанам на нижнебретонском наречии, и они отступили с большим искусством, озадачившим республиканских солдат и даже их командира. По первому приказу самые крепкие шуаны построились в одну линию, образовав внушительный фронт, за ними укрылись раненые и остальные шуаны, чтобы заряжать передовым ружья. Затем с неожиданной легкостью, пример которой недавно показал Крадись-по-Земле, раненые, а вслед за ними половина отряда шуанов вскарабкались на бугор справа от дороги, спрятались наверху, и синие уже видели только их энергичные лица. Шуаны укрылись за деревьями и направили стволы своих ружей на оставшуюся внизу часть республиканского конвоя, которая по команде Юло быстро выстроилась на дороге, желая противопоставить противнику равный фронт. Шуаны постепенно отступали со своей позиции, отстреливаясь и поворачивая таким образом, чтобы быть под прикрытием огня своих товарищей. Достигнув придорожной канавы, они, в свою очередь, забрались на косогор, гребень которого заняли их собратья, и присоединились к ним, стойко выдерживая меткий огонь республиканцев, усеявший канаву трупами. С косогора шуаны отвечали не менее убийственным огнем. В это время на поле сражения бегом примчалась фужерская Национальная гвардия, и ее появление прекратило бой. Национальные гвардейцы и несколько разгорячившихся солдат уже перескочили через канаву, намереваясь броситься в лес, но командир крикнул громовым голосом:

– Эй! Вы что? Хотите, чтобы вас ухлопали?

Тогда они присоединились к республиканскому отряду, за которым осталось поле битвы, хотя и ценой немалых потерь. Все солдаты вскинули на штыки свои старые треуголки и, подняв ружья, два раза дружно крикнули: «Да здравствует Республика!» Даже раненые, сидевшие на обочине дороги, разделяли общий восторг, а Юло, сжав руку Жерара, сказал:

– А? Вот это удалцы так удалцы!

Мерлю было поручено похоронить мертвых в придорожном овраге. Остальные занялись отправкой раненых. На соседних фермах реквизировали лошадей, телеги и спешно уложили раненых солдат на одежду, снятую с убитых. Перед уходом фужерская Национальная гвардия передала Юло тяжело раненного шуана – его подобрали у крутого откоса, по которому ускользнули враги, меж тем как умирающему изменили силы, и он скатился вниз.

– Спасибо за помощь, граждане, – сказал Юло. – Разрази меня гром! Без вас нам пришлось бы туго. Берегитесь и вы! Война началась. Прощайте, храбрецы!

Затем он повернулся к пленному:

– Как зовут твоего начальника?

– Молодец.

– Кто это?... Крадись-по-Земле?

– Нет. Молодец.

– Откуда явился ваш Молодец?

На этот вопрос королевский егерь ничего не ответил, угрюмое и свирепое лицо его искажилось от боли; он взял четки и принялся читать молитвы.

– Молодец – это, верно, тот молодой аристократ в черном галстуке? Он послан сюда тираном и его сообщниками, Питтом и Кобургом...

Шуан, видимо плохо разбиравшийся в политике, гордо поднял голову.

– Послан Богом и королем!

Он произнес эти слова с энергией, исчерпавшей его силы. Командир увидел, что трудно допрашивать умирающего человека, чье поведение обличало темный фанатизм, и, нахмутив брови, отвернулся от него. Два солдата – друзья тех часовых, которых Крадись-по-Земле так зверски уложил ударом кнута на обочине дороги, где они и погибли оба, – отступили на несколько шагов и прицелились в шуана; неподвижные глаза его не опустили перед наведенными на него ружьями; оба выстрелили в упор, и он упал. Но, когда солдаты подошли, чтобы снять с него одежду, он крикнул все еще звучным голосом:

– Да здравствует король!

– Ладно, ладно, мошенник! – сказал Сердцевед. – Ступай угощаться лепешками у доброй своей Богородицы!.. Гляди, пожалуйста: думали, что он скапутился, а он кричит нам прямо под нос: «Да здравствует тиран!»

– Командир, вот и документ этого разбойника, – сказал Скороход.

– Ого-го! – воскликнул Сердцевед. – Идите-ка поглядите на этого божьего пехотинца. Какая у него роспись на брюхе!

Юло и несколько солдат обступили обнаженное тело шуана и заметили на груди у него синеватую татуировку – изображение пылающего сердца. То был условный знак посвящения в братство *Сердца Господня*. Под этим изображением Юло разобрал слова: «Мари Ламбрекен» – должно быть, имя шуана.

– Ну, Сердцевед, видел? – сказал Скороход. – А вот сто декад будешь думать – не догадаешься, для чего нужна эта штука!

– Да разве я понимаю толк в папских мундирах! – ответил Сердцевед.

– Пехтура несчастная, когда же ты образуешься? – подхватил Скороход. – Как ты не понимаешь, что этому гусю лапчатому обещано воскресение из мертвых, вот он и разрисовал себе зоб, чтобы его опознали.

На эту шутку, не лишенную основания, невольно улыбнулся даже Юло, разделяя общее веселье. Тем временем Мерль похоронил убитых, а раненых товарищи с трудом разместили на двух телегах. Солдаты по собственному почину построились двумя колоннами вдоль этих импровизированных санитарных повозок, и отряд двинулся вниз по горному склону, обращенному к Мэну, откуда видна красивая долина Пелерины, соперница куэнонской долины. Юло в сопровождении своих друзей, Мерля и Жерара, медленно шел за солдатами, поглощенный одной мыслью: как бы добраться без новых злоключений до Эрне, где раненым могли оказать помощь. Это сражение, оставшееся почти неизвестным среди больших событий, назревавших тогда во Франции, получило название по той местности, где оно произошло. Впрочем, на него обратили некоторое внимание на западе Франции, и жители ее, встревоженные новым восстанием шуанов, заметили перемену в их военной тактике: раньше эти люди не решились бы напасть на такой значительный отряд. Юло предполагал, что тот молодой роялист, которого он приметил, был Молодец – новый вождь шуанов, присланный во Францию принцами, и что, по обыкновению роялистов, он скрывал свое имя и титул под боевой кличкой. Этим обстоятельством командир полубригады после печальной своей победы встревожился не меньше, чем в ту минуту, когда заподозрил засаду на дороге; несколько раз он оглядывался, смотрел на плоскую вершину Пелерины; порою с той стороны все еще доносился далекий звук барабанов Национальной гвардии, которая спускалась в долину Куэнона, в то время как синие спускались в долину Пелерины.

– Кто из вас может разгадать, ради чего напали на нас шуаны? – спросил он двух своих друзей. – Для них ружейные выстрелы – дело коммерческое, а я все еще не вижу, что они тут выгадали? Ведь они потеряли самое малое сто человек, а мы – меньше шестидесяти, – добавил он, вздернув для изображения улыбки правую щеку и прищулив глаз. – Разрази меня гром! Не понимаю такой торговой сделки. Дураки! К чему им было нападать на нас?

Мы бы проскочили благополучно, как письма по почте, и я не знаю, зачем им понадобилось дырять пулями наших солдат!

И он жестом сожаления указал на две телеги, нагруженные ранеными.

– Может, они просто хотели поздороваться с нами, – добавил он.

– Но, командир, они на этом заработали полтора ста наших олухов, – ответил Мерль.

– Да ведь если бы новобранцы и попрыгали в лес, как лягушки, мы не стали бы их оттуда вылавливать, особенно после того, как нас угостили залпом, – возразил Юло. – Нет, нет, по-моему, тут что-то кроется!..

Он еще раз оглянулся и посмотрел на Пелерину.

– Стой! – воскликнул он. – Поглядите!

Хотя офицеры были уже далеко от роковой площадки, опытным глазом они различили там Крадись-по-Земле и еще нескольких шуанов.

– Шире шаг! – крикнул Юло своему отряду. – Живей раздвигайте циркули да подгоняйте лошадей! Что у них, ноги закоченели? Может, эти клячи тоже состоят на службе у Питта и Кобурга?

Слова его заставили маленький отряд двигаться быстрее.

– Да, в эту тайну, мне думается, трудно проникнуть, – сказал Юло двум своим офицерам, – и дай Бог, друзья, чтобы нам не пришлось ее разгадывать в Эрне ружейной пальбой. Очень боюсь, как бы не оказалось, что верноподданные короля перерезали нам дорогу на Майенну.

Стратегическая задача, от которой топорщились усы командира Юло, в эту минуту не меньше беспокоила и людей, замеченных им на вершине Пелерины. Лишь только умолк на ней треск барабана фужерской Национальной гвардии и Крадись-по-Земле увидел, что синие уже спустились по длинному склону, он весело издал крик совы, и шуаны появились вновь, но уже в меньшем количестве. Многие из них, вероятно, заняты были перевязкой раненых в деревне Пелерина, расположенной на склоне горы, обращенном к долине Куэнона. Два-три начальника королевских егерей подошли к Крадись-по-Земле. В нескольких шагах от них на глыбе гранита сидел их молодой предводитель и, казалось, погружен был в мысли о трудностях, с которыми ему сразу пришлось столкнуться в своих военных действиях. Крадись-по-Земле приложил козырьком руку ко лбу, защищая глаза от яркого солнца, и печально посмотрел на дорогу, по которой республиканцы пересекали долину Пелерины. Маленькие черные и пронизывающие глазки шуана пытались разглядеть, что происходит на другом горном склоне, у края долины.

– Синие перехватят почту, – угрюмо сказал один из главарей, ближе всех стоявший к Крадись-по-Земле.

– Ради святой Анны Орейской, скажи: зачем ты заставил нас драться? – спросил другой. – Для того чтобы спасти твою шкуру?

В ответ на эти вопросы Крадись-по-Земле бросил на него взгляд, словно напоенный ядом, и стукнул о землю тяжелым карабином.

– Разве я командир? – сказал он и, помолчав, добавил, указывая на остатки отряда Юло: – Дрались бы все, как я, синим бы от нас не уйти, ни одному! Может, тогда дилижанс и доехал бы сюда.

– А что же, по-твоему, они вздумали бы провожать дилижанс или задержали бы его, если бы мы дали им спокойно пройти? – сказал третий. – Ты просто хотел спасти свою поганую шкуру: ведь ты не знал, что синие идут по дороге. Из-за этого борова, – добавил оратор, поворачиваясь к остальным, – да, из-за этого борова синие нам пустили кровь, да еще мы потеряем двадцать тысяч франков чистым золотом...

– Сам ты боров! – крикнул Крадись-по-Земле и, отступив на три шага, прицелился в обидчика. – Нет у тебя ненависти к синим, ты золото любишь! Грешник окаянный! Ты в этом году не был у причастия, вот и умрешь без исповеди.

Это оскорбление возмутило шуана, он побледнел и с глухим рычаньем взял на прицел Крадись-по-Земле. Молодой предводитель бросился между ними и выбил у них из рук оружие, ударив по карабинам стволом своего ружья; затем он потребовал, чтобы ему объяснили причину ссоры: разговор шел на нижнебретонском наречии, мало ему знакомом.

– Маркиз, – сказал Крадись-по-Земле, заканчивая свою речь, – совсем напрасно они на меня злятся. И к тому же я позади оставил Хватай-Каравай, а уж он, поди, сумеет спасти дилижанс от когтей этих воров.

И шуан указал рукой на отряд синих: для верных служителей алтаря и трона все синие были убийцами Людовика XVI и разбойниками.

– Как? – гневно воскликнул молодой человек. – Значит, вы задержались тут для того, чтобы остановить дилижанс? Вы трусы, вы не могли одержать победу в первом сражении, которым я командовал! А впрочем, как можно побеждать при таких намерениях? Так, значит, защитники Бога и короля – грабители? Клянусь святой Анной Орейской, наше дело воевать с Республикой, а не с дилижансами. Впредь всякий, кто окажется виновным в таком позорном разбое, не получит отпущения грехов и лишится милостей, предназначенных для храбрых служителей короля.

В толпе шуанов поднялся глухой ропот. Ясно было, что авторитет нового вождя, который он с трудом установил среди этой недисциплинированной орды, вот-вот рухнет. Это возмущение не укрылось от молодого человека, и он уже искал способ, как спасти свою честь командира. Вдруг в наступившей тишине раздался быстрый конский топот. Все повернули голову в ту сторону, откуда он приближался. Показалась молодая женщина, сидевшая в седле на маленькой бретонской лошадке; заметив среди шуанов молодого человека, всадница пустила лошадь галопом, чтобы поскорее подъехать к отряду.

– Что с вами? – спросила она, переводя взгляд с шуанов на их вождя.

– Поверите ли, сударыня! Они подстерегают почтовый дилижанс, который выехал из Майенны в Фужер, и намереваются его ограбить. А ведь мы только что сражались ради освобождения наших фужерских молодцов, понесли большие потери и не могли уничтожить синих!

– Так в чем же тут горе? – спросила молодая дама, врожденным женским чутьем разгадав тайну этой сцены. – Вы потеряли людей, но в них у нас никогда не будет недостатка. Почта везет деньги, а нам они всегда нужны! Похороним наших покойников, они попадут на небо, а деньги возьмем, и пусть они достанутся всем этим молодцам. В чем же беда?

Шуаны единодушно одобрили улыбками ее речь.

– Неужели в этом нет ничего дурного, что заставило бы вас покраснеть? – тихо спросил молодой человек. – И разве вы уж так нуждаетесь в деньгах, что вам приходится добывать их на большой дороге?

– Я до такой степени изголодалась по деньгам, маркиз, что, кажется, отдала бы в заклад свое сердце, если бы его не похитили у меня! – сказала она, кокетливо улыбаясь ему. – Но откуда вы явились, если думаете, что можно пользоваться шуанами, не давая им иной раз пограбить синих? Разве вы не знаете поговорки: «вороват, как сова»? А что такое шуан? К тому же, – произнесла она громко, – ведь это справедливое дело. Разве синие не захватили все имущество церкви и наше имущество?

Слова эти были встречены довольным гулом, совсем не походившим на то рычанье, которым шуаны ответили маркизу. Лицо молодого человека омрачилось; он отвел даму в сторону и спросил ее с явным недовольством, но тоном благовоспитанного человека:

– Приглашенные приедут в назначенный день в Виветьер?

– Да, – ответила она, – все придут: Ответчик, Большой Жак и, может быть, Фердинанд.

– Разрешите мне вернуться туда. Я не могу в своем присутствии допускать подобный разбой... Да, сударыня, я говорю – «разбой»! Стать жертвой воровства, – в этом есть какое-то благородство, но...

– Хорошо, – перебила она его, – я получу вашу долю, благодарю вас за то, что вы уступаете ее мне... Эта прибавка к моей добыче мне очень пригодится. Матушка так давно не присылала мне денег, что я в отчаянии...

– Прощайте! – воскликнул маркиз.

Он отошел, но молодая дама быстро нагнала его.

– Почему бы вам не остаться со мною? – спросила она, бросив на него взгляд деспотический и ласковый, каким женщины, имеющие право на уважение мужчины, так хорошо умеют выражать свои желания.

– Но вы же собираетесь ограбить дилижанс?

– Ограбить? – возразила она. – Какое странное слово! Позвольте вам объяснить...

– Не надо, – сказал он и, взяв ее руки, поцеловал их с небрежной галантностью придворного. – Выслушайте меня, – продолжал он, помолчав. – Если я буду тут, когда захватят дилижанс, наши люди убьют меня, потому что я их...

– Вы их не убьете, – горячо возразила она, – потому что они свяжут вам руки, при всем почтении к вашему рангу. А после того как они возьмут с республиканцев контрибуцию, необходимую для их снаряжения, пропитания и для покупки пороха, они слепо будут вам повиноваться...

– И вы хотите, чтобы я тут командовал? Если жизнь моя необходима для дела, которое я защищаю, то все же позвольте мне сохранить мою честь. Уйдя отсюда, я могу и не знать об этой подлости. Я вернусь позднее проводить вас.

И он быстро ушел. Молодая дама с явным огорчением смотрела ему вслед, прислушиваясь к звуку его шагов. Постепенно шорох сухих листьев стих, но еще несколько минут она не двигалась с места, словно ее ошеломило это объяснение. Затем она поспешно вернулась к шуанам. Вдруг она сделала презрительный жест и сказала Крадись-по-Земле, который помог ей сойти с лошади:

– Этот молодой человек хочет вести с Республикой войну по всем правилам!.. Ну что же, пройдет несколько дней, и он переменит свое мнение!.. «Но как он обошелся со мной!» – добавила она про себя.

Она села на глыбу гранита, где раньше сидел маркиз, и молча стала дожидаться появления дилижанса. Довольно знаменательным феноменом эпохи была эта молодая аристократка, которую бурные страсти бросили в борьбу монархий против духа времени, а пылкие чувства толкнули на плачевные поступки, хотя она, если можно так выразиться, не была сообщницей; в этом отношении она походила на многих женщин, которых увлекала экзальтация, нередко воодушевлявшая их и на подвиги. Немало женщин, захваченных, подобно ей, ураганом событий, играли тогда роль героическую или достойную осуждения. У роялистов не было более преданных, более деятельных эмиссаров, чем эти смелые особы, но ни одной из воительниц роялистской партии не приходилось так ужасно искупать заблуждения своей преданности и пагубное свое положение, запретное для женского пола, искупать таким отчаянием, какое испытала эта дама, когда она сидела на гранитной глыбе у дороги, невольно восхищаясь благородным презрением и честностью молодого вождя шуанов. Постепенно она погрузилась в глубокую задумчивость. Горькие воспоминания пробудили в ней тоску о невинности ее юных лет, и она пожалела, что не стала жертвой революции, победоносное шествие которой не могли остановить столь слабые руки.

Дилижанс, игравший некоторую роль в причинах нападения шуанов, выехал из маленького городка Эрне за несколько минут до начала схватки двух отрядов. Ничто

не может лучше обрисовать любую страну, чем состояние ее материального быта. В этом смысле данный дилижанс заслуживает почетного упоминания. Сама революция не была в силах уничтожить его: он разъезжает еще и в наши дни. Когда Тюрго выкупил привилегию одной компании, полученную ею при Людовике XIV на монопольное право возить путешественников по всему королевству, он учредил извозные предприятия, названные *тюрготинами*, а старые экипажи господ Вуж, Шантеклера и вдовы Лакомба были изгнаны в провинцию. Один из таких рыдванов поддерживал сообщение между Майенной и Фужером. Некоторые упрямы в насмешку называли его тюрготинной, передразнивая парижан или из ненависти к министру, стремившемуся к нововведениям. Тюрготина представляла собою скверный кабриолет на двух больших колесах, в котором, пожалуй, не могли бы поместиться два сколько-нибудь дородных седока. Теснота этого шаткого экипажа не позволяла очень его нагружать; ящик, служивший сиденьем, предназначался для почтовой службы, а если у пассажиров был багаж, им приходилось держать его между колен, и без того уже стиснутых в узком кузове, по форме довольно похожем на кузнечные мехи. Первоначальный цвет кареты и колес представлял для путешественников неразрешимую загадку. Две кожаных занавески, несмотря на долгую службу сгибавшиеся с трудом, должны были защищать мучеников-пассажиров от холода и дождя. Кучер сидел на высокой скамеечке, похожей на козлы самых дрянных парижских «кукушек»¹⁴, и поневоле принимал участие в разговорах, так как помещался между своими двуногими и четвероногими жертвами. Экипаж этот имел фантастическое сходство с дряхлыми стариками, претерпевшими множество катаров, апоплексических ударов, но избежавшими смерти, которая их как будто щадит: На ходу он охал, стонал, а временами, казалось, вскрикивал. Как путешественник в тяжелой сонливости, клонился он то назад, то вперед, словно пытаясь сопротивляться яростным усилиям двух маленьких бретонских лошадок, тащивших его по довольно ухабистой дороге. В этом памятнике иного века находилось трое пассажиров; выехав из Эрне, где им сменили лошадей, они продолжали вести разговор с кучером, начатый еще до почтовой станции.

– Почему же вы думаете, что здесь появятся шуаны? – говорил кучер. – В Эрне люди говорили, что командир Юло еще не выступил из Фужера.

– Ну, ну, приятель, – ответил один из пассажиров, помоложе других, – ты-то рискуешь только своей шкурой. А вот если бы ты вез при себе, как я, триста экю да знали бы тебя за доброго патриота, ты не был бы так спокоен.

– А вы что-то уж очень болтливы, – ответил кучер покачивая головой.

– Считанные овцы – волку добыча, – откликнулся второй пассажир.

Этот человек, на вид лет сорока, одетый в черное, вероятно, был ректором где-нибудь в окрестности. Тройной подбородок и румяный цвет лица явно свидетельствовали о его принадлежности к духовному званию. Приземистый толстяк проявлял, однако, проворство всякий раз, когда приходилось вылезти из кареты или снова залезать в нее.

– А вы кто такие? Шуаны? – воскликнул владелец трехсот экю, судя по одежде, богатый крестьянин, ибо у него пышная козья шкура прикрывала штаны из добротного сукна и весьма опрятную куртку. – Клянусь душой святого Робеспьера, вам не поздоровится, если...

Он перевел свои серые глаза с кучера на пассажира и указал на пару пистолетов, заткнутых у него за пояс.

– Бретонец этим не испугаешь, – презрительно сказал ректор. – Да и разве похоже, что мы заримся на ваши деньги?

¹⁴ «Кукушка» – небольшой дилижанс, курсировавший между Парижем и его пригородами.

Всякий раз, как произносили слово «деньги», кучер умолкал, и у ректора было достаточно сообразительности, чтобы усомниться в наличии золотых экю у патриота и предположить, что деньги везет кучер.

– Ты нынче с грузом, Купьо? – спросил аббат.

– Э, господин Гюден, почитай что нет ничего, – ответил возница.

Аббат Гюден испытующе посмотрел на Купьо и на патриота, но у обоих лица были невозмутимо спокойны.

– Ну, тем лучше для тебя, – заметил патриот. – А в случае беды я приму меры, чтобы спасти свое добро.

Столь деспотическое посягательство на диктатуру возмутило Купьо, и он грубо возразил:

– Я своему экипажу хозяин, и ежели я вас везу...

– Ты кто? Патриот или шуан? – запальчиво перебил его противник.

– Ни то, ни другое, – ответил Купьо. – Я почтарь, а главное – бретонец и, значит, не боюсь ни синих, ни аристократов.

– Ты, верно, хочешь сказать – *аристокрадов*, – прервал его патриот.

– Они только отбирают то, что у них отняли, – с горячностью сказал ректор.

Оба пассажира *ели друг друга глазами*, если дозволительно употребить это выражение разговорного языка. В уголке экипажа сидел третий пассажир, хранивший во все время спора глубочайшее молчание. Кучер, патриот и даже Гюден не обращали никакого внимания на эту безмолвную фигуру. В самом деле, это был один из тех неудобных и необщительных пассажиров, которые напоминают бессловесных телят со связанными ногами, когда их везут продавать на ближний рынок. Они начинают с того, что завладевают всем законным своим местом, а кончают тем, что засыпают, бесцеремонно навалившись на плечо соседа. Патриот, Гюден и кучер предоставили этого пассажира самому себе, думая, что он спит, и убедившись к тому же в бесполезности попыток завести беседу с человеком, чье окаменевшее лицо говорило о жизни, заполненной отмериванием локтей полотна, и о мыслях, занятых лишь подсчетами барышей от его продажи. Этот толстый коротышка, забившись в угол, изредка открывал маленькие голубые глазки, точно сделанные из фаянса, и по очереди устремлял на спорщиков взгляд, исполненный страха, сомнения и недоверия. Но, казалось, он боялся только своих попутчиков и совсем не думал о шуанах. Когда же он смотрел на кучера, можно было предположить, что это два франкмасона. В это время началась перестрелка на вершине Пелерины. Купьо в замешательстве остановил лошадей.

– Ого! – сказал священник, видимо, хорошо разбиравшийся в таких делах. – Серьезная стычка. Народу там изрядно.

– Да, господин Гюден. Вот только как бы узнать, чья возьмет? – воскликнул Купьо.

На этот раз на всех лицах выразилась единодушная тревога.

– Завернем вон на тот постоянный двор, – сказал патриот, – и спрячем там карету, пока не узнаем, чем кончилось сражение.

Совет казался весьма благоразумным, и Купьо послушался его. Патриот помог вознице спрятать экипаж от чужих глаз за кучей хвороста. Ректор, уловив удобную минуту, шепотом спросил Купьо:

– У него в самом деле есть деньги?

– Э-э, господин Гюден, если то, что у него есть, попадет в карманы вашего преподобия, они от этого не станут тяжелее.

Республиканцы, торопясь добраться до Эрне, прошли мимо постоянного двора, не заходя в него. Услышав их быстрый топот, Гюден и хозяин из любопытства вышли за ворота посмотреть на них. Вдруг толстый ректор подбежал к солдату, который шел позади колонны.

– Гюден, что же это? – крикнул он. – Упрямец! Ты все-таки уходишь к синим? Сын мой, ты подумал, что ты делаешь?

– Да, дядя, – ответил капрал. – Я поклялся защищать Францию.

– Ах ты несчастный! Ведь ты душу свою погубишь! – вскричал аббат, пытаясь пробудить в племяннике религиозные чувства, столь сильные в сердцах бретонцев.

– Дядя, если бы король встал во главе своих армий, я не говорю, что...

– Эх, дурень! Кто тебе говорит о короле? А разве твоя Республика раздает аббатства? Она все перевернула. Чего ты добьешься? Оставайся с нами, рано или поздно мы победим, и ты станешь где-нибудь советником парламента¹⁵.

– Парламента? – насмешливо переспросил молодой Гюден. – Прощайте, дядюшка!

– Ты не получишь от меня ни гроша! – гневно воскликнул дядюшка. – Лишаю тебя наследства!

– Спасибо, – ответил республиканец.

И они расстались. Пока проходил маленький отряд синих, пары сидра, которым патриот угостил Купьо, успели затуманить кучеру голову, но он тотчас же протрезвел и повеселел, когда хозяин постоянного двора, разузнав о результатах сражения, сообщил, что победу одержали синие. Купьо вновь выехал на большую дорогу, и вскоре его рыдван появился в долине Пелерины, где он хорошо был виден с плоскогорий Мэна и Бретани, словно обломок корабля, плывущий по волнам после бури.

Взобравшись на вершину холма, по которому поднимались синие и откуда была видна вдали Пелерина, Юло обернулся посмотреть, нет ли там еще шуанов, и увидел сверкающие точки – солнечные блики на стволах их ружей. Бросив последний взгляд на ту долину, с которой он расстался, спускаясь к пойме реки Эрне, Юло, как ему показалось, увидел на большой дороге экипаж Купьо.

– Не майеннский ли это дилижанс? – спросил он у двух своих друзей.

Оба офицера, взглядевшись, узнали старую тюрготину.

– Странно! – сказал Юло. – Как же это мы не встретились с ним?

Все трое молча переглянулись.

– Еще одна загадка! – воскликнул Юло. – Однако я начинаю добираться до истины.

В эту минуту Крадись-по-Земле тоже узнал тюрготину и сообщил о ней товарищам. Взрыв всеобщей радости вывел молодую даму из задумчивости. Незнакомка подошла к шуанам и увидела дилижанс, приближавшийся с роковой поспешностью к подъему на Пелерину. Вскоре злополучная тюрготина была уже на верхней площадке горы. Шуаны, которые снова там попрятались, ринулись на свою добычу с быстротой хищников. Безмолвный пассажир соскользнул на дно рыдвана, съежился и замер, стараясь придать себе вид багажного тюка.

– А-а! Учужали! – крикнул Купьо с козел, указывая шуанам на крестьянина. – Вот у этого патриота полный мешок золота.

Шуаны встретили эти слова взрывом дружного хохота и закричали:

– Хватай-Каравай! Хватай-Каравай! Хватай-Каравай!

Под этот хохот, которому, словцо эхо, вторил и сам Хватай-Каравай, смущенный Купьо слез с козел. Пресловутый Сибо, по кличке «Хватай-Каравай», помог своему соседу выбраться из экипажа. Поднялся почтительный гул.

– Это аббат Гюден! – крикнули несколько человек.

Очевидно, он пользовался уважением: все обнажили головы; шуаны встали на колени и попросили у него благословения; аббат с важностью благословил их.

¹⁵ *Парламент* – высшее судебное учреждение в Париже, а также в ряде больших городов Франции, с передававшимися по наследству доходными должностями судей и советников; должности эти можно было также купить. В 1790 г. эти средневековые учреждения были упразднены и их заменили суды с выборными судьями.

– Он надул бы самого святого Петра и украл бы у него ключи от райской обители, – сказал ректор, ударив Хватай-Каравай по плечу. – Без него синие перехватили бы нас.

Заметив молодую даму, аббат Гюден отошел на несколько шагов и вступил с нею в разговор. Хватай-Каравай проворно открыл сундук в дилижансе и с дикой радостью показал всем мешок, судя по форме его наполненный свертками с золотыми монетами. Он не стал медлить с дележом добычи. Каждый шуан получил от него свою долю, и раздел был произведен с такой точностью, что не вызвал ни малейшей ссоры. Затем Хватай-Каравай подошел к молодой даме и священнику и протянул им около шести тысяч франков.

– Могу я со спокойной совестью взять эти деньги, господин Гюден? – спросила молодая дама, чувствуя потребность в чем-то разрешении.

– А как же иначе, сударыня? Разве церковь не одобрила некогда конфискацию имущества у протестантов? И тем более это дозволительно в отношении революционеров – богоотступников, разрушителей храмов и гонителей религии.

Аббат подкрепил эту проповедь личным примером, без церемоний приняв своего рода десятину¹⁶, которую принес ему Хватай-Каравай.

– К тому же, – добавил он, – я могу теперь отдать все свое достояние на защиту Бога и короля: мой племянник ушел к синим!

Купьо плакался, что он разорен.

– Иди к нам, – сказал Крадись-по-Земле, – тогда и ты получишь долю.

– Но если не будет следов нападения, подумают, что я нарочно дал себя ограбить.

– Ну, за этим дело не станет! – сказал Крадись-по-Земле.

Он подал знак, и тотчас ружейный залп изрешетил тюрготину. При этом неожиданном обстреле старый экипаж издал такой жалобный звук, что суеверные по природе шуаны попятись от страха. Но Крадись-по-Земле приметил, что в уголке кузова поднялось и снова спряталось бледное лицо молчаливого пассажира.

– А у тебя, оказывается, еще одна наседка в курятнике? – шепотом спросил у Купьо Крадись-по-Земле.

Хватай-Каравай, поняв вопрос, многозначительно подмигнул ему.

– Да, – ответил возница, – но если вы хотите меня завербовать в свою компанию, позвольте мне целым и невредимым довести этого славного человека до Фужера. Я обещал ему это именем святой Анны Орейской.

– А кто он такой? – спросил Хватай-Каравай.

– Этого не могу сказать, – ответил Купьо.

– Ну, пускай везет, – сказал Крадись-по-Земле, подтолкнув Хватай-Каравай локтем. – Он ведь поклялся святой Анной Орейской. Надо ему сдержать обещание.

– Только вот что, – продолжал шуан, обращаясь к Купьо, – не очень быстро спускайся с горы, мы тебя нагоним. Дело есть, хочу посмотреть морду твоего пассажира, а тогда мы дадим ему пропуск.

В эту минуту послышался топот лошади, мчавшейся галопом, все ближе и ближе к горе. Вскоре появился молодой вождь шуанов. Дама проворно спрятала за спину мешочек, который держала в руке.

– Вы можете спокойно взять эти деньги, – сказал молодой человек и отвел ее руку из-за спины. – Вот вам письмо, я нашел его в почте, ожидавшей меня в Виветьере, – письмо от вашей матушки.

Он посмотрел на шуанов, возвращавшихся в лес, на дилижанс, спускавшийся в долину Куэнона, и добавил:

¹⁶ Десятина – десятая часть урожая, отчуждавшаяся в пользу церкви (отменена в 1790 г.).

– Как я спешил, а не успел вовремя! Дай Бог, чтобы мои подозрения оказались ошибочными...

– Это деньги бедной моей матушки, – воскликнула дама, когда она распечатала письмо и прочла первые строчки.

Из лесу донесся приглушенный смех. Молодой вождь не мог удержаться от улыбки, глядя на даму: она все еще держала в руке мешочек – доставшуюся ей долю от грабежа ее собственных денег.

Она и сама засмеялась:

– Ну, слава Богу, маркиз. На этот раз я вышла сухой из воды.

– Как вы легкомысленны во всем, даже в угрызениях совести, – сказал молодой человек.

Она покраснела и взглянула на маркиза с таким искренним смущением, что это обезоружило его. Аббат вежливо, но довольно холодно возвратил ей только что полученную «десятину» и направился вслед за молодым вождем к окольной дороге, по которой тот приехал. Прежде чем присоединиться к ним, дама знаком подозвала Крадись-по-Земле. Тот подошел.

– Теперь устройте засаду перед Мортанью, – тихо сказала она. – Я узнала, что синие не сегодня завтра отправят в Алансон на подготовку к войне большую сумму звонкой монетой. Я оставляю твоим товарищам сегодняшнюю добычу, но при условии, что они возместят мне убыток. Только смотри, чтобы Молодец не знал, для чего вы туда отправляетесь: он может воспротивиться. Но в случае такой беды я постараюсь умиловить его.

– Сударыня, – сказал маркиз, когда она села на лошадь позади него, предоставив свою лошадь аббату, – из Парижа мне пишут, чтобы мы были настороже: Республика намерена бороться с нами хитростью и предательством.

– Что ж, это не так глупо, – ответила она. – У этих людей бывают довольно удачные идеи. Я могу принять участие в такой войне и найти в ней достойных противников.

– Разумеется! – воскликнул маркиз. – Пишегрю советует мне быть очень разборчивым и осторожным во всякого рода знакомствах. Республика оказывает мне честь, полагая, что я страшнее всех вандейцев, вместе взятых; она рассчитывает захватить меня, воспользовавшись моими слабостями.

– Неужели вы станете остерегаться и меня? – спросила она и рукой, которой держалась за него, тихонько похлопала его по груди у сердца.

– Как вы можете это думать, сударыня? – возразил он, повернув к ней голову; она поцеловала его в лоб.

– Стало быть, – заговорил аббат, – полиция Фуше для нас опаснее летучих батальонов и контршуанов.

– Совершенно верно, ваше преподобие.

– Ах, так! – воскликнула дама. – Фуше, стало быть, собирается подослать к нам женщин! – И после краткой паузы добавила грудным голосом: – Буду ждать их.

А на расстоянии трех-четырех ружейных выстрелов от опустевшего плоскогорья, откуда уехали предводители шуанов, происходила одна из тех сцен, которые в те времена нередко случались на больших дорогах. За околицей деревушки Пелерины, в небольшой ложбинке, Хватай-Каравай и Крадись-по-Земле снова остановили дилижанс. Оказав слабое сопротивление, Купьо слез с козел. Безмолвный пассажир, которого шуаны извлекли из угла кареты, очутился на коленях в зарослях дрока.

– Ты кто? – спросил у него Крадись-по-Земле зловещим тоном.

Путешественник молчал. Хватай-Каравай ударил его прикладом ружья и повторил вопрос.

– Я бедный человек, Жак Пино, торгую полотнами, – сказал он тогда, бросив взгляд на Купьо.

Купьо отрицательно покачал головой, полагая, что этим не нарушает своего обещания. Этот знак воодушевил Хватай-Каравай – он прицелился в путешественника, а Крадись-по-Земле грозно и решительно заявил ему:

– Не прикидывайся бедняком, ты слишком толстый. Если ты еще раз заставишь нас спросить твое настоящее имя, мой друг Хватай-Каравай одним выстрелом заслужит уважение и благодарность твоих наследников... Кто ты? – добавил он.

– Я д'Оржемон из Фужера.

– Ага! – воскликнули оба шуана.

– Это не я назвал вас, господин д'Оржемон, – сказал Купьо. – Пресвятая Дева свидетельница, я честно защищал вас.

– Ну, раз вы д'Оржемон из Фужера, – иронически-почтительно сказал Крадись-по-Земле, – мы вас оставим в полном покое. Но так как вас нельзя назвать ни добрым шуаном, ни настоящим синим – хоть вы и купили земли жювинийского аббатства, – то вы нам заплатите выкуп, – добавил шуан, делая вид, что пересчитывает по пальцам своих товарищей. – Вы заплатите нам триста экю по шести франков. Нейтралитет стоит таких денег.

– Триста экю по шести франков! – хором повторили несчастный банкир, Хватай-Каравай и Купьо, но все с различными интонациями.

– Что вы, дорогой мой! – сказал д'Оржемон. – Ведь я разорен. Эта чертова Республика объявила принудительный заем в сто миллионов франков; меня обложили на огромную сумму, и я остался без гроша.

– Сколько же потребовала с тебя твоя Республика?

– Тысячу зкю, дорогой мой, – ответил с жалобным видом банкир, надеясь получить скидку.

– Вот какие большие деньги выхватывает у тебя твоя Республика на принудительный заем! Сам видишь, что с нами тебе будет выгоднее: наше правительство дешевле. Триста экю – разве это слишком много за твою шкуру?

– Где мне их взять?

– У себя в сундуке, – сказал Хватай-Каравай. – Да смотри, чтобы экю были полновесные, а не то мы убавим тебе весу на огне.

– Где же я должен заплатить вам?

– Твой фужерский загородный дом недалеко от фермы Жибари, а там живет мой двоюродный брат Налей-Жбан, иначе говоря – Сибо Большой; передай ему деньги, – сказал Хватай-Каравай.

– Это не по правилам! – воскликнул д'Оржемон.

– А нам какое дело! – ответил Крадись-по-Земле. – Помни, что, если в течение двух недель ты не принесешь денег Налей-Жбану, мы заглянем к тебе ненадолго и вылечим твои ноги от подагры, если у тебя подагра. А ты, Купьо, – продолжал он, обращаясь к вознице, – будешь теперь называться «Вези-Добро».

С этими словами оба шуана ушли; путешественник снова сел в карету, и кучер, наставив лошадей кнутом, погнал их к Фужеру.

– Будь у вас оружие, – сказал Купьо, – мы бы получше могли защищаться.

– Дуралей! У меня вот тут десять тысяч франков, – возразил д'Оржемон, показывая на свои грубые башмаки. – Разве можно защищаться, когда имеешь при себе такую сумму!

Вези-Добро почесал за ухом и обернулся назад, но оба его новых товарища уже скрылись из виду.

Отряд Юло ненадолго задержался в Эрне, чтобы сдать раненых в госпиталь этого городка; затем республиканцы отправились дальше и без всяких злополучных помех при-

были в Майенну. На следующий день командир мог разрешить свои сомнения относительно маршрута почтового дилижанса, ибо уже с утра горожане узнали, что дилижанс ограблен. Через несколько дней власти прислали в Майенну достаточное количество новобранцев-патриотов, чтобы Юло мог пополнить свою полубригаду. Вскоре вслед за этим пронеслись малоутешительные слухи: мятеж вновь охватил все те местности, которые в последнюю войну шуаны и вандейцы сделали главными его очагами. В Бретани роялисты завладели Понторсоном, чтобы получить доступ к морю; они захватили также городок Сен-Джемс, находившийся между Понторсоном и Фужером, и, видимо, решили временно обратить его в свой плацдарм – средоточие складов и центр военных операций. Оттуда они могли безопасно сносятся с Нормандией и Морбиганом. Второстепенные вожаки разъезжали по трем этим провинциям, стараясь поднять сторонников монархии и добиться объединенных действий. Эти происки совпадали с вестями из Вандеи – там весь край мучили подобные же интриги, которыми руководили четыре известных роялиста: аббат Верналь, граф де Фонтэн, де Шатильон и Сюзане. Рассказывали, что шевалье де Валуа, маркиз д'Эгриньон и господа Труавиль стали их союзниками в департаменте Орн. Руководителем всего широкого плана операций, которые разворачивались медленно, но грозно, действительно был Молодец – такое прозвище дали шуаны маркизу де Монтрану со времени его высадки во Франции. Сведения, сообщенные Юло министрам, были совершенно верными. Авторитет предводителя, присланного из-за границы, тотчас получил признание. Маркиз приобрел большую власть над шуанами, старался внушить им подлинную цель войны и убедить, что их жестокости позорят благородное дело, которое они предприняли. Смелый характер, мужество, хладнокровие, способности этого молодого вельможи пробудили надежды врагов Республики и так разожгли мрачную экзальтацию в этих округах, что даже наименее ревностные содействовали теперь подготовке событий, которые могли иметь решающее значение для свергнутой монархии. Юло не получал из Парижа никакого ответа на свои многократные запросы и рапорты. Это странное молчание, несомненно, свидетельствовало о каком-то новом кризисе революции.

– Может быть, у них там в правительстве, так же как и в казне, пустое место, и все наши ходатайства напрасны, – говорил старый командир полубригады своим друзьям.

Но вскоре распространились вести о неожиданном возвращении генерала Бонапарта и событиях 18 брюмера. Командиры войск Западной Франции поняли тогда молчание министров. Это лишь усилило нетерпеливое желание офицеров избавиться от тяготившей их ответственности, и они с любопытством ждали, какие меры примет новое правительство. Узнав, что генерал Бонапарт стал первым консулом Республики, военные горячо обрадовались, – впервые видели они одного из своих у кормила власти. Франция встрепенулась, полная надежды: молодой генерал был ее кумиром. Энергия нации возродилась. Столица, утомленная мрачным своим унынием, предалась празднествам и удовольствиям, которых она так долго была лишена. Первоначальные мероприятия консула несколько не уменьшили надежд и совсем не испугали Свободу. Первый консул обратился с прокламацией к жителям Западной Франции. Эти красноречивые воззвания к нации, так сказать, изобретенные Бонапартом, произвели в те годы патриотизма и чудес поразительное действие. Голос его прозвучал в мире как голос пророка, ибо каждое его воззвание неизменно подтверждалось победой.

«Французы!

Нечестивая война вторично охватила западные департаменты.

Мятеж подняли изменники, продавшиеся англичанам, или разбойники, которые ищут поживы в гражданских распрях и безнаказанности своим злодеяниям.

Таких людей правительство не обязано щадить или разъяснять им свои принципы.

Но есть граждане, дорогие своей отчизне, мятежники лишь хитростями совратили их; этих граждан необходимо просветить и открыть им истину.

Были изданы и применены несправедливые законы. Граждан встревожили акты произвола, посягавшие на их безопасность и свободу совести; повсеместно многим гражданам нанесли удар необоснованным занесением их в списки эмигрантов; словом, были нарушены великие основы общественного порядка.

Консулы объявляют, что в силу конституции, гарантирующей свободу вероисповедания, будет выполнен закон от 11 прериаля III года, предоставляющий гражданам право пользования зданиями, предназначенными для отправления религиозных культов.

Правительство простит и помиует раскаявшихся; помилование его будет полным и безоговорочным, но оно покарает всякого, кто после этой декларации еще осмелится сопротивляться верховной власти нации».

– Ну что ж, – говорил Юло, когда было публично прочитано консульское воззвание. – Разве это не по-отечески? А вот увидите, ни один из разбойников-роялистов не изменит своих взглядов!

Юло был прав. Прокламация привела лишь к тому, что каждый утвердился в своем выборе. Через несколько дней Юло и его коллеги получили подкрепление. Затем новый военный министр сообщил, что к ним прибудет генерал Брюн, назначенный командующим войсками Западной Франции. Юло, известный своей опытностью, временно получил командование войсками в Орнском и Майенском департаментах. Вскоре небывалая деятельность оживила все пружины правительства. Циркуляр военного министра и министра полиции сообщал, что для подавления восстания *в самой его основе* будут приняты энергичные меры и выполнение их возложено на войсковых командиров. Но шуаны и вандейцы уже воспользовались прежним бездействием Республики, подняли деревни и полностью овладели ими; поэтому было выпущено второе воззвание консулов. На этот раз генерал Бонапарт обращался к войскам:

«Солдаты!

На западе Франции остались лишь разбойники, эмигранты и наемники Англии.

В нашей армии более шестидесяти тысяч храбрецов. Жду в скором времени известий о том, что главарей мятежа уже нет в живых. Славу добывают тяжкими трудами; если б можно было ее добыть, держа штаб-квартиру в больших городах, кто бы не достигал славы?..

Солдаты, какой бы ранг вы ни занимали в армии, всех вас ждет признательность нации. Чтобы стать достойными ее, надо пренебрегать непогодой, льдами, снегами, жестокими ночными холодами, врасплох захватывать врагов на рассвете, истреблять негодяев, позорящих имя „француз“.

Ведите кампанию быстро и смело. Будьте беспощадны к разбойникам, но соблюдайте строгую дисциплину.

Национальные гвардейцы, соедините свои усилия с усилиями линейных войск.

Если среди окружающих вы знаете приверженцев разбойников, арестуйте их! Пусть нигде не найдут они себе убежища от солдат, их преследующих, а если обнаружатся предатели, которые осмелятся приютить их и защищать, – пусть они погибнут вместе с мятежниками!»

– Вот голова! – воскликнул Юло. – Прямо как в Итальянской армии: сам к обедне звонит и сам ее служит. А как говорит!

– Да, но говорит он один, и только от своего имени, – заметил Жерар, уже начиная опасаться последствий 18 брюмера.

– Эх, святая душа! Подумаешь, важность! Ведь он человек военный! – воскликнул Мерль.

В нескольких шагах от офицеров перед вывешенным на стене воззванием толпились солдаты, но так как никто из них не умел читать, то все только глазели на афишу – одни беспечно, другие с любопытством, а двое-трое высматривали среди прохожих какого-нибудь грамотея по виду.

– Ну-ка, Сердцевед, погляди, что это там за бумажка, – с насмешливой улыбкой сказал Скороход своему товарищу.

– Догадаться нетрудно, – ответил Сердцевед.

При этих словах все посмотрели на двух приятелей, всегда готовых разыграть роль балагуров.

– Смотри сюда. Видишь? – продолжал Сердцевед, указывая на грубую виньетку над заголовком воззвания, на которой с недавних пор циркуль заменил нивелир 1793 года. – Это означает, что нашему брату, пехотинцам, немало придется пошагать. Замечаешь? Циркуль-то здесь раскрыт. Это называется «эмблема».

– Ну, молокосос, нечего тебе ученого корчить! Это называется «проблема». Я раньше служил в артиллерии, – сказал Скороход, – так у нас офицеры на проблемах собаку съели.

– Это эмблема.

– Нет, проблема.

– Давай спорить.

– На что?

– На твою немецкую трубку.

– По рукам.

– Извините за беспокойство, гражданин майор, ведь верно, что это эмблема, а не проблема? – спросил Сердцевед у Жерара, который, задумавшись, шел позади Юло и Мерля.

– И то и другое, – серьезно ответил Жерар.

– Майор посмеялся над нами, – сказал Скороход. – Эта бумажка означает, что наш генерал из командующего армией в Италии стал консулом, – чин очень важный, и теперь у нас будут и башмаки и шинели.

Часть вторая

Идея Фуше

В самом конце брюмера, однажды утром, когда Юло проводил ученье в своей полубригаде, уже полностью сосредоточенной по распоряжению свыше в Майенне, курьер из Алансона подал ему депеши; Юло принялся их читать, и лицо его выразило сильную досаду.

– В поход! – сердито крикнул он и, сложив депеши, засунул их на донышко треуголки. – Две роты выступят со мной на Мортань. Там шуаны. Вы тоже пойдете со мной, – сказал он Мерлю и Жерару. – Но пусть меня сделают дворянином, если я хоть слово понимаю в этой депеше. Может, я поглупел? Ну, все равно. Идем! Времени терять нельзя.

– А что за дичь была в этом ягдташе, командир? – сказал Мерль, указывая носком сапога на министерский конверт депеши.

– Разрази их гром! Ничего особенного. Опять только пакостят нам!

Если у командира вырывалось то солдатское выражение, которое мы передаем обиняками, оно всегда возвещало бурю, – различные его интонации представляли для полубригады своего рода градусы на термометре терпения командира, и открытый нрав старого вояки давал возможность разбираться в этой шкале так легко, что самый захудалый барабанщик знал ее наизусть, так же как и все вариации его гримасы, когда он вздергивал правую щеку и прищуривал глаза. На этот раз в тоне, которым он произнес эти слова, звучал глухой гнев, и оба его друга умолкли и насторожились. Даже следы оспы на смуглом воинственном лице их командира как будто стали глубже, и оно потемнело. Густая прядь волос, собранная в пучок, перекинулась на эполет, когда он нахлобучил треуголку, и была с такой яростью отброшена на спину, что косицы у висков растрепались. Усы у него встопорщились, он сжал кулаки и, крепко скрестив на груди руки, долго стоял неподвижно, так что Жерар осмелился наконец спросить:

– Когда выступаем? Сейчас?

– Да, если патронташи полны, – пробурчал Юло.

– Полны.

– Ружья на плечо! Шагом марш! – скомандовал Жерар по знаку своего начальника.

Барабанщики выбежали вперед, две роты, назначенные Жераром, двинулись, забили барабаны; командир, погруженный в размышления, казалось, очнулся и вышел из города с двумя своими друзьями, не перемолвившись с ними ни единым словом. Мерль и Жерар молча переглядывались, как будто спрашивая друг друга: «Долго он будет сердиться?». На ходу оба украдкой наблюдали за ним, но он не обращал на них внимания и что-то бормотал сквозь зубы. Несколько раз до слуха солдат долетали фразы, звучавшие как ругательства, но никто не смел произнести при этом ни слова, ибо в серьезных случаях все умели соблюдать строгую дисциплину, привычную для солдат, воевавших в Италии под командой Бонапарта. Большинство из них, так же как и сам Юло, принадлежали к остаткам знаменитых батальонов, выпущенных из Майнца при капитуляции крепости под условием не сражаться на границах, и в армии их прозвали *майнцы*. Трудно было встретить солдат и командиров, которые так хорошо понимали бы друг друга, как эти майнцы.

На следующий день после выступления командир Юло и оба его друга рано утром уже находились на пути к Алансону, в расстоянии около одного лье от этого города, близ Мортани, в той части дороги, которая идет вдоль пастбищ, орошаемых Сартой. С левой стороны здесь один за другим простираются живописные луга, а справа тянется густой лес вплоть до лесного массива Мениль-Бру, представляя собою – если позволительно заимствовать этот термин у художников – *контрастный фон* для чудесных речных пейзажей. По краям

дороги вырыты здесь глубокие канавы, и земля, которую постоянно выбрасывают из них на поля, образовала высокие откосы, поросшие *утесником*, как называют на западе Франции дикий дрок. Этот густой кустарник служит зимой прекрасным кормом для лошадей и другого скота, но пока его пышные темно-зеленые ветви еще не были срезаны, за ним прятались шуаны. Поэтому откосы и заросли утесника, возвещавшие путешественникам близость Бретани, в те времена делали эту часть дороги столь же опасной, сколь и красивой. Опасностями, подстерегавшими проезжих на пути от Мортани до Алансона и от Алансона до Майенны, и была вызвана экспедиция Юло; тут открылась наконец затаенная причина его гнева: ему пришлось конвоировать старую почтовую карету, запряженную парой лошадей, медленно тащившуюся за усталыми солдатами. Две роты синих, составлявшие часть мортаньского гарнизона, проводили этот безобразный рыдван до конца своего этапа и пошли обратно, виднеясь вдали черными точками, а их сменил Юло, выполняя ту же обязанность, которую его солдаты справедливо называли *патриотической доукой*. Одна рота старого республиканца двигалась в нескольких шагах впереди, а другая позади кареты. Юло шел между Мерлем и Жераром, на середине расстояния от авангарда до экипажа. Вдруг он сказал:

– Разрази меня гром! Вы подумайте! Генерал послал нас из Майенны только для того, чтобы мы сопровождали двух вертихвосток, которые едут в этой старой колыхаге!

– Однако, командир, вы только что поклонились этим гражданам, когда мы сменяли конвой, и довольно ловко поклонились!

– Эх, в том-то и срамота! Ведь парижские франты предписывают нам оказывать величайшее уважение их проклятым бабам. Ну, как это можно! Унижать честных людей и храбрых патриотов! Превратить нас в свиту какой-то юбки! Нет, я иду прямой дорогой и не люблю, когда другие виляют! Когда я увидел, что у Дантона куча любовниц, у Барраса куча любовниц, я сказал им: «Граждане, Республика вручила вам бразды правления не для того, чтобы вы позволяли себе утеху старого режима». На это вы мне скажете, что женщины... Ну что ж, все мы люди грешные... Это верно. Славным удалцам, понятно, нужны бабы, славные бабы. Но когда приходит опасность, довольно баловства! Для чего же мы вымели прежние безобразия, если патриоты вздумали их повторять? Поглядите на первого консула, – вот это человек! Никаких баб, всегда за делом! Готов прозакладывать свой левый ус, что ему неизвестно, каким дурацким ремеслом нас заставили тут заниматься.

– Честное слово, командир, – смеясь, ответил Мерль, – я увидел носик той молодой дамы, что прячется в карете, и сознаюсь: всякий, не поступившись своей честью, может, вроде меня, почувствовать охоту покружиться около этой колыхаги, чтобы завязать приятный разговор с путешественницами.

– Берегись, Мерль! – вставил Жерар. – Этих пройдох в шляпках сопровождает какой-то гражданин, и на вид он достаточно хитер, чтобы поймать тебя в ловушку!

– Кто? Этот франтик с узенькими глазками? Как они шныряют у него с одной стороны дороги на другую, будто он уже приметил шуанов! А когда за кузовом кареты не видно его лошади и собственного его туловища, он очень похож на селеня, торчащего головой из пирога. Ну, ежели этот олух вздумает помешать мне приглубить хорошенькую малиновку...

– Селень, малиновка!.. Ох, бедняга Мерль, здорово же ты увлекся пернатыми! Но смотри не доверяй селеню, – глаза у него зеленые и предательские, как у гадюки, и хитрые, как у женщины, когда она «прощает» своего мужа. Я меньше боюсь шуанов, чем таких провожатых, у которых физиономия смахивает на графин с лимонадом.

– Ничего! – весело воскликнул Мерль. – С разрешения командира – рискну! У этой женщины очи как звезды! Все можно поставить на карту, чтобы посмотреть на них.

– Попался наш товарищ! Начинает уже говорить глупости!.. – заметил Жерар.

Юло сделал гримасу и, пожав плечами, ответил:

– Прежде чем садиться за похлебку, советую ее понюхать.

– Славный парень наш Мерль, веселый! – продолжал Жерар, заметив, что Мерль отстаёт для того, чтобы карета постепенно его догнала. – Единственный человек, который может пошутить над смертью товарища, и никто за это не обвинит его в бесчувственности.

– Настоящий французский солдат! – серьёзно ответил Юло.

– Ого! Смотрите, подтягивает на плечи эполеты, чтобы видно было, что он капитан, – смеясь, воскликнул Жерар. – Как будто чин имеет большое значение в этих делах!

В экипаже, к которому старался приблизиться Мерль, действительно ехали две женщины: одна из них, видимо, была служанка, другая – ее госпожа.

– Такие женщины всегда орудут вдвоем, – проворчал Юло.

То впереди, то позади кареты гарцевал на лошади сухопарый, невысокий человек; он, казалось, сопровождал этих привилегированных путешественниц, но никто не замечал, чтобы он обратился к ним хоть с одним словом. Это молчание – доказательство презрения или почтительности, – многочисленные баулы и картонки той женщины, которую Юло называл *принцессой*, – все вплоть до костюма ее кавалера еще больше раздражало Юло. Костюм незнакомца представлял точный сколок моды того времени, которая породила бесчисленные карикатуры на так называемых «*невероятных*». Вообразите себе человека, одетого во фрак, спереди столь короткий, что жилет выступал из-под него на пять-шесть дюймов, а сзади украшенный длинными фалдами, действительно напоминавшими «рыбий хвост», как их тогда именовали, пышный галстук описывал вокруг шеи столько оборотов, что голова, торчавшая из этого кисейного лабиринта, почти оправдывала гастрономическое сравнение капитана Мерля. Незнамец носил панталоны в обтяжку и высокие «*суворовские*» сапоги. Огромная камея, белая, на голубом фоне, служила булавкой для галстука, из-за пояса свешивались параллельно друг другу две часовые цепочки; волосы локонами окаймляли щеки и, спускаясь на лоб, почти совсем закрывали его. И, наконец, в качестве последнего украшения воротник сорочки и фрака поднимался так высоко, что голова напоминала букет в бумажной розетке. К этим вычурным ухищрениям туалета, которые противоречили друг другу, а не создавали гармонического целого, добавьте забавные контрасты цветов: желтые панталоны, красный жилет, фрак оттенка корицы, – и вы получите верное представление о высшей изысканности той моды, которой повиновались все щеголи в начале периода Консульства. Казалось, этот нелепый костюм был нарочно придуман для того, чтобы подвергнуть испытанию природную грацию и доказать, что нет ничего столь смехотворного, чего не могла бы узаконить мода. Всаднику на вид было лет тридцать, хотя в действительности ему едва минуло двадцать два; возможно, на внешности его отразились кутежи или же опасности той эпохи. Несмотря на шутовской костюм, в его манерах была известная элегантность, свойственная человеку благовоспитанному. Когда капитан очутился возле кареты, щеголь, видимо, угадал его намерения и, как будто желая ему помочь, придержал свою лошадь. Бросив на него сардонический взгляд, Мерль увидел непроницаемое лицо человека, приученного превратностями времени революции скрывать всякое движение чувства. Лишь только дамы заметили загнутый край старой треуголки и эполет капитана Мерля, ангельски нежный голосок промолвил:

– Господин офицер, не будете ли вы так любезны сказать, где мы сейчас находимся?

Есть неизъяснимое очарование в вопросе, который задает случайному спутнику молодая незнакомая путешественница: в самом незначительном ее слове как будто таится целый роман, а если она, опираясь на свою женскую слабость или неведение жизни, просит в чем-нибудь покровительства, разве не возникает у любого мужчины склонность создать несбыточную сказку, в которой ему выпадет роль счастливец? Поэтому простые слова «господин офицер» и учтивая форма вопроса внесли небывалое смятение в сердце капитана. Он попытался рассмотреть путешественницу, но был весьма разочарован: ревнивая вуаль скрывала

ее черты, и он едва мог увидеть глаза, блескующие сквозь шелковую дымку, как два оникса, озаренные солнцем.

– Вы теперь в одном лье от Алансона, сударыня.

– Алансон? Уже?

И незнакомка, не прибавив больше ни слова, откинулась, или, вернее, отклонилась, к стенке кареты.

– Алансон? – повторила вторая женщина, вероятно, пробудившись от сна. – Вы снова увидите родные места...

Она взглянула на капитана и умолкла. Мерль, обманувшись в своей надежде полюбоваться прекрасной незнакомкой, принялся разглядывать ее спутницу. Это была девушка лет двадцати шести, белокурая, статная, блиставшая свежестью и ярким, здоровым румянцем, отличающими женщин Валоньи, Байе и окрестностей Алансона. Взгляд ее голубых глаз не говорил о большом уме, но выражал несомненную твердость характера, сочетавшуюся с нежностью души. Платье на ней было из темненькой материи. Волосы были подобраны, по нормандскому обычаю, под небольшой чепчик, и эта незатейливая прическа придавала ее лицу прелесть милой простоты. Весь ее облик, не отличаясь условной салонной аристократичностью, не был, однако, лишен естественного достоинства скромной молодой девушки, которая может спокойно оглянуться на свое прошлое, не находя в нем никаких причин для раскаяния. Капитан Мерль с первого взгляда угадал в ней полевой цветок, перенесенный в парижские теплицы, где сосредоточено столько лучей, иссушающих душу, и все же не утративший там ни чистоты своих красок, ни сельской искренности. Наивный вид этой девушки и скромный ее взгляд говорили, что она не ищет собеседника. В самом деле, как только офицер удалился от кареты, обе незнакомки принялись разговаривать, и тихие голоса их еле долетали до его слуха.

– Вы собрались так поспешно, что не успели даже одеться в дорогу, – сказала молодая крестьянка. – Хороши вы теперь! Если мы едем дальше Алансона, вам обязательно надо там переменить туалет...

– Ах, ах, Франсина! – воскликнула незнакомка.

– Что скажете?

– Вот уже третий раз ты пытаешься узнать, куда и зачем мы едем.

– Разве я сказала хоть слово об этом? Я не заслужила такого упрека!..

– О, я прекрасно заметила твои уловки! Ведь теперь ты не такая наивная простушка, как раньше: ты побывала в моей школе и немножко научилась хитрить. Прямые вопросы ты уже считаешь нелепыми. И ты права, дитя мое. Из всех существующих способов вывести тайну – это, по-моему, самый глупый.

– Ну что ж, – промолвила Франсина, – видно, от вас ничего не скроешь. Но сознайтесь, Мари, что ваше поведение возбудило бы любопытство даже у святого. Вчера утром вы без денег, а сегодня у вас полны руки золота. В Мортани вам дают ограбленную почтовую карету, заменив убитого кучера другим, вас охраняют правительственные войска и сопровождает человек, которого я считаю вашим злым гением...

– Кто? Корантен? – спросила молодая незнакомка, указав рукой на всадника, и два эти слова были произнесены с глубочайшим презрением, которое сказалось даже в ее жесте. – Слушай, Франсина, ты помнишь мою обезьяну Патриота? Помнишь, я приучила ее передразнивать Дантона? Как она нас забавляла!

– Помню, мадмуазель.

– Ну что ж, разве ты боялась ее?

– Она была на цепочке.

– А Корантен в наморднике, дитя мое.

– Я знаю, мы забавлялись Патриотом целые часы, но под конец он всегда ухитрялся сыграть с нами какую-нибудь скверную шутку.

При этих словах Франсина быстро откинулась к стенке кареты, поближе к своей госпоже, взяла ее за руки и, ласково поглаживая их, сказала с умильной улыбкой:

– Вы разгадали меня, Мари, но не ответили мне!.. Что случилось? Вы были так печальны, что мне было очень, очень больно, и как после этого вы могли вдруг, за одни сутки, стать совсем иной? Вам весело, безумно весело, как в те дни, когда вы хотели покончить с собой... Откуда эта перемена? Я немножко имею право спросить у вас отчета, узнать, что у вас на душе. Она прежде всего принадлежит мне, а потом уж кому-нибудь другому, потому что никто не будет вас любить больше, чем я. Говорите же, Мари...

– Ну, хорошо, Франсина. Разве ты не видишь вокруг, в чем тайна моей веселости. Посмотри на пожелтевшие султаны вон тех далеких деревьев: ни одно не похоже на другое. Когда смотришь на них издали, как будто видишь старый гобелен в каком-нибудь замке. Взгляни на эти живые изгороди: за ними каждую минуту может оказаться засада шуанов. И когда я смотрю на этот густой кустарник, мне мерещатся стволы ружей. Как хорошо, что вокруг нас опасность, непрестанно возрождающаяся опасность! Всякий раз, как дорога принимает мрачный вид, я все жду, что грянут выстрелы, сердце мое бьется, и еще не изведанное ощущение волнует меня. И это не страх, не опьянение радостью, нет, это нечто другое, более высокое – это волнение всех чувств, всего, что движет мною, – это жизнь!.. Как же мне не радоваться, когда я хоть немного всколыхнула свою жизнь.

– Ах, какая вы жестокая! Ничего не хотите мне сказать. Пресвятая Дева, – добавила Франсина, горестно поднимая глаза к небу, – кому же она откроется, если таится от меня!

– Франсина, – серьезным тоном сказала незнакомка, – я не могу признаться тебе в моих намерениях: на этот раз они ужасны.

– Зачем же нарочно творить зло?

– Что поделаешь? Я часто ловлю себя на том, что думаю я так, как будто мне пятьдесят лет, а поступаю, словно пятнадцатилетняя девочка. Ты всегда была моим разумом, бедная моя Франсина, но в этом деле я должна заглушить голос совести... А это мне не удастся!.. – прошептала она, помолчав, и глубоко вздохнула. – Как же ты хочешь, чтобы я вдобавок еще взяла себе такого строгого исповедника, как ты?

И она ласково похлопала Франсину по руке.

– А разве я когда-нибудь упрекала вас за ваши поступки? – воскликнула Франсина. – У вас даже зло какое-то милое. И столько я молюсь за вас святой Анне Орейской, что она, наверно, даст вам отпущение грехов. Да вы же видите, – разве я не еду с вами по этой дороге, не зная, куда вы держите путь?

В порыве нежности она поцеловала ее руки.

– Что ж, – промолвила Мари, – ты можешь покинуть меня, если твоя совесть...

– Полно, замолчите, сударыня, – прервала ее Франсина, сделав обиженную гримаску. – Но неужели вы не скажете?

– Ничего не скажу! – твердо ответила девушка. – Только знай, что это дело мне ненавистно еще больше, чем тот человек, который своими медоточивыми устами разъяснил его мне... Буду откровенна и признаюсь тебе, что я не сдалась бы на их уговоры, если бы не увидела в этом гнусном фарсе сочетания ужаса и любви. Оно и соблазнило меня. Я не хочу уйти из этого мира, не попытавшись нарвать в нем цветов, и я надеюсь, что теперь это совершится, хотя бы ценою моей жизни. Но, ради доброй памяти обо мне, не забывай, что, будь я счастлива, то, даже увидев над своей головой страшный нож гильотины, я не согласилась бы принять на себя роль в этой трагедии, ибо это трагедия... А теперь, – добавила она с невольным жестом отвращения, – если б ее отменили, я бросилась бы в Сарту, и это не было бы самоубийством, – я еще не жила.

– Святая Анна Орейская, прости ей!

– Чего ты испугалась? Ты же знаешь, что жалкие превратности домашней жизни не возбуждают во мне страстей. Это нехорошо для женщины, но моя душа созрела теперь для чувств более высоких, для испытаний самых тяжких. Возможно, что и я могла бы стать кротким созданием, подобным тебе. Зачем я поднялась выше или опустилась ниже уровня, назначенного моему полу? Ах, как счастлива жена генерала Бонапарта! Нет, я, видно, умру молодой, если уж дошла до того, что меня не страшит эта веселая прогулка, на которой придется *испить крови*, как говорил бедняга Дантон. Но забудь все, что я сказал тебе, – это говорила пятидесятилетняя старуха. Слава Богу, скоро опять появится пятнадцатилетняя девочка.

Молодая крестьянка затрепетала. Только она одна знала бурную и порывистую натуру своей госпожи, только она была посвящена в тайны ее богатой, экзальтированной души, в сокровенные чувства этого создания, которое до той поры лишь видело, как жизнь проносится мимо неуловимой тенью, и тщетно пыталось ее поймать. Щедрой рукой сеяла эта женщина, и, не собрав жатвы, сердце ее осталось девственным; но, раздраженная множеством обманутых желаний, утомленная бесплодной борьбой, она в отчаянии своем дошла до того, что добро стала предпочитать злу, когда добро представлялось ей удовольствием, зло – добру, когда зло принимало облик поэтический, серенькому прозябанию – нищете, как нечто более высокое, а грозное, неведомое будущее и смерть – жизни, скудной надеждами и даже страданиями. Никогда еще не было собрано столько пороха, ожидающего единой искры, никогда еще пламени любви не предстояло пожрать столько сокровищ – словом, никогда еще ни одна из дочерей Евы не была создана из глины, где таилось столько золота. Франсина, словно земной ангел, оберегала это создание, преклонялась перед ним, считая его совершенством, и верила, что выполнит волю небес, если сохранит эту душу для хора серафимов, откуда она, казалось, была изгнана во искупление греха гордыни.

– Вон алансонская колокольня, – сказал всадник, подъезжая к карете.

– Вижу, – сухо ответила молодая дама.

– А! Хорошо, – сказал он и отъехал, сохраняя вид рабской покорности, несмотря на свое разочарование.

– Ну, погоняйте, погоняйте! – сказала дама вознице. – Теперь вам нечего бояться. Пустите лошадей рысью, а если можете – галопом. Ведь мы уже почти на мостовой Алансона.

Проезжая мимо командира конвоя, она крикнула ему нежным голосом:

– До свидания, командир! Встретимся в гостинице. Приходите навестить меня.

– Еще что! – возмутился Юло. – «В гостинице! Приходите навестить!» Как разговаривает с начальником полубригады!..

И он погрозил кулаком карете, быстро катившей по дороге.

– Не обижайтесь, командир. У нее в рукаве ваш генеральский чин, – со смехом сказал Корантен, пытаясь пустить свою лошадь вскачь, чтобы догнать карету.

– Ну нет, я не позволю всяким проходимцам дурачить меня, – ворчливо сказал Юло своим друзьям. – По-моему, лучше швырнуть генеральский мундир в канаву, чем заработать его в постели. Что это за птицы и чего они хотят? Вы тут понимаете что-нибудь?

– О да! – сказал Мерль. – Я знаю, что никогда еще не видал такой красивой женщины! И, по-моему, вы плохо понимаете иносказания. Может быть, это жена первого консула.

– Вздор! Жена первого консула пожилая, а эта – молодая, – возразил Юло. – К тому же в приказе, который я получил от министра, написано, что ее зовут мадмуазель де Верней. Это, несомненно, одна из бывших. Разве я их не знаю? До революции все они занимались таким ремеслом. Тогда в два счета можно было стать начальником полубригады, стоило только разок-другой сказать понежнее такой особе: «Сердце мое!»

Пока солдаты конвоя, по выражению их командира, старались *пошире раскрывать циркули*, ветхий рыдван, служивший почтовой каретой, быстро доехал до гостиницы «Три мавра», находившейся в середине главной улицы Алансона. Услышав грохот и дребезжанье этой бесформенной колымаги, на пороге гостиницы появился хозяин. Никто из жителей Алансона не мог ожидать, что почтовая карета остановится у гостиницы «Три мавра», но ужасное происшествие в Мортани уже привлекло к этой карете столько зевак, что обе путешественницы, желая укрыться от всеобщего любопытства, поспешили войти в кухню – неизбежную прихожую каждой гостиницы на западе Франции. Оглядев экипаж, хозяин хотел было последовать за приезжими, но кучер взял его за руку и остановил:

– Слушай, гражданин Брут¹⁷, за нами идет конвой синих. Ни почтаря, ни депеш нет, вот я и привез к тебе этих гражданок. Они наверняка заплатят тебе, как бывшие принцессы, и, стало быть...

– И, стало быть, мы с тобой, приятель, выпьем сейчас по стакану вина, – сказал хозяин.

Мадмуазель де Верней окинула взглядом закопченную, почерневшую кухню, стол с кровавыми пятнами от сырого мяса и упорхнула легкой птицей в соседнюю комнату, испугавшись вида и запахов этой кухни, а также любопытства неопрятного повара и низенькой толстой женщины, которые уже принялись внимательно ее рассматривать.

– Как же нам быть, жена? – сказал хозяин. – Вот чертовщина! Кто бы мог подумать, что в такие времена к нам наедет столько народу! Пока мы приготовим для этой женщины приличный завтрак, она выйдет из себя. Ага! Придумал!.. Ей-Богу, мне в голову пришла хорошая мысль! Раз это благородные гости, я им предложу откусать вместе с той дамой, что остановилась у нас наверху. Правильно?

Хозяин пошел переговорить с новыми своими постояльцами, но увидел только Франсину. Он отвел ее в глубь кухни, в сторону двора, чтобы никто не мог подслушать, и сказал ей вполголоса:

– Если вы и другая дама желаете, чтобы вам подали отдельно, – а это, конечно, приятнее для вас, – так у меня приготовлены очень тонкие блюда для одной особы и ее сына. Они, я думаю, согласятся разделить с вами свой завтрак, – добавил он таинственно. – Это знатные персоны.

Едва хозяин закончил свое предложение, как кто-то легонько толкнул его в спину кнутовищем; он быстро обернулся и увидел перед собою низенького, коренастого человека, который бесшумно вышел из соседней комнаты, где при его появлении толстая женщина, повар и поваренок оцепенели от ужаса. Хозяин отвернулся и побледнел. Низенький человек тряхнул волосами, закрывавшими весь его лоб и глаза, приподнялся па цыпочки, чтобы дотянуться до уха хозяина, и сказал:

– Ты знаешь, чего стоит предательство и даже простая неосторожность и какой монетой мы за это платим? Мы люди щедрые...

И к словам своим он добавил жест, послуживший грозным пояснением к ним. Хотя Франсина не видела этого человека, ибо его закрывала шарообразная фигура хозяина, она уловила некоторые из его слов, произнесенных резким тоном, – этот хриплый голос и звуки бретонской речи словно громом ее поразили. Она бросилась к низенькому человеку, повергнувшему всех в ужас, но он, казалось, обладал проворством дикого зверя и успел уже выйти через боковую дверцу во двор. Франсина подумала, что ошиблась в своих предположениях, когда перед ней мелькнула темно-бурая шкура существа, похожего на медведя средних размеров. В удивлении подбежала она к окну и сквозь пожелтевшее от дыма стекло увидела, как незнакомец вразвалку шел к конюшне. Прежде чем войти туда, он устре-

¹⁷ «Слушай, гражданин Брут...» – Это насмешливое обращение вызывало в памяти распространенный во Франции во времена якобинской диктатуры обычай принимать имена героев-республиканцев Древнего Рима.

мил черные глаза на второй этаж гостиницы, а затем на почтовую карету, словно хотел поделиться со своими друзьями каким-то важным наблюдением, касавшимся тюрготины. Благодаря этому движению незнакомца Франсина могла разглядеть его лицо и, несмотря на козьи шкуры, в которые он был одет, узнала в нем шуана, прозванного Крадись-по-Земле; она узнала его также по огромному кнуту и по его крадущейся походке, которая в случае нужды бывала, однако, весьма быстрой. Пристально вглядываясь в темный угол конюшни, Франсина лишь смутно видела шуана: он лег на солому, заняв такое место, откуда мог наблюдать за всем, что делалось в гостинице. Крадись-по-Земле так съежился, что издалека и даже вблизи самый хитрый шпион легко принял бы его за большого пса, который свернулся клубком и спит, положив морду на лапы. Поведение шуана ясно показывало, что он не узнал Франсины. И девушка не могла решить, радоваться этому или печалиться, вспомнив, в каком загадочном положении находилась ее госпожа. Однако ее любопытство подстрекнула таинственная связь между угрожающими словами шуана и предложением хозяина гостиницы, довольно обычным у трактирщиков, всегда готовых с одного вола содрать две шкуры. Отойдя от грязного окна, сквозь которое она видела в конюшне бесформенное черное пятно на том месте, где притаился Крадись-по-Земле, она повернулась к хозяину гостиницы и угадала по его виду, что он совершил отчаянный промах и не знает, как его исправить. Несчастный окаменел от жеста шуана. Каждому на западе Франции было известно, какими утонченно жестокими пытками королевские егеря карали людей, заподозренных всего лишь в неосторожной болтливости, и хозяин гостиницы уже чувствовал нож у своего горла. Повар с ужасом уставился на пылающий очаг, вспоминая, что нередко шуаны на огне *грели* ноги доносчикам. Маленькая толстая женщина, держа в одной руке кухонный нож, а в другой половину разрезанной картофелины, испуганно смотрела на своего мужа. Поваренок пытался угадать неведомую ему причину всеобщего ужаса. Эта немая сцена, в которой главное действующее лицо отсутствовало, но было, однако, видно всем ее участникам, вполне естественно усилила любопытство Франсины. Грозная власть шуана была для нее лестна, и хотя хитрые проделки лукавых камеристок были чужды кроткому ее характеру, теперь ей так хотелось разгадать тайну, что она решила воспользоваться своим выгодным положением.

– Хорошо, барышня принимает ваше предложение, – важным тоном сказала она хозяину. Тот вздрогнул и словно очнулся при этих словах.

– Какое предложение? – спросил он с искренним удивлением.

– Какое? – спросил неожиданно появившийся Корантен.

– Какое? – спросила мадмуазель де Верней.

– Какое? – спросил четвертый человек, стоя на последней ступеньке лестницы, и легко спрыгнул с нее в кухню.

– Да ваше предложение позавтракать с какими-то знатными особами, – нетерпеливо ответила Франсина.

– Знатными? – с язвительной иронией подхватил человек, спустившийся с лестницы. – Это уж, милый мой, скверная шутка трактирщика. Однако, если ты хочешь, любезный, предложить нам в сотрапезницы эту молодую гражданку, надо быть глупцом, чтобы отказаться от такого удовольствия, – сказал он, глядя на мадмуазель де Верней. – За отсутствием моей матушки я сам даю согласие на твое предложение, – добавил он, хлопнув по плечу озадаченного трактирщика.

Грациозное легкомыслие юности скрывало дерзкое высокомерие его слов, которые вполне естественно привлекли и говорившему внимание всех участников этой сцены. Хозяин повел себя, как Пилат, умывающий руки в знак своей непричастности к смерти Христа, – он отступил на два шага и сказал на ухо толстой жене:

– Если случится какая-нибудь беда, я не виноват, будь свидетельницей. А главное, – добавил он еще тише, – ступай сейчас же предупреди обо всем Крадись-по-Земле.

Путешественник, молодой человек среднего роста, был одет в синий редингот, суконные короткие панталоны такого же цвета и черные гетры выше колен. Это простое форменное платье без эполет носили тогда питомцы Политехнической школы. С первого же взгляда мадмуазель де Верней заметила стройную фигуру этого юноши в скромном костюме и *нечто такое* в его внешности, что говорило о врожденном благородстве. Лицо его вначале могло показаться довольно обыкновенным, но вскоре оно привлекало сочетанием черт, в которых сказывалась душа, способная на великие деяния. У него был смуглый от загара цвет лица, выющиеся светло-русые волосы, сверкающие голубые глаза, тонкий нос, непринужденные движения, и все в нем свидетельствовало о жизни, руководимой высокими чувствами, а также о привычке повелевать. Но самыми характерными приметами одаренной натуры были его бонапартовский подбородок и нижняя губа: она соединялась с верхней грациозно изогнутой линией, подобной очертаниям акантового листа на капителях коринфских колонн. Природа вложила в две эти черты неотразимое обаяние.

«Для республиканца у этого молодого человека наружность уж слишком изящна», – подумала мадмуазель де Верней.

Увидеть все это в одно мгновение, воодушевиться желанием понравиться, мягко склонить головку набок, кокетливо улыбнуться, бросить бархатный взгляд, способный воскресить даже сердце, умершее для любви, прикрыть черные миндалевидные глаза тяжелыми веками, для того чтобы густые и длинные загнутые ресницы отбросили темную тень на щеки, найти в своем голосе самые мелодичные модуляции, придать глубокое очарование банальной фразе: «Мы очень вам обязаны, сударь!» – все эти уловки заняли меньше времени, чем его понадобилось нам для того, чтобы их описать. Затем мадмуазель де Верней обратилась к хозяину, спросила, где ее комната, увидела лестницу и исчезла вместе с Франсиной, предоставив молодому путешественнику догадаться, что означал ее ответ: согласие или отказ.

– Кто эта женщина? – быстро спросил питомец Политехнической школы у стоявшего неподвижно, изумленного хозяина.

– Гражданка де Верней, одна из бывших, – едко ответил Корантен и ревнивым взглядом смерил молодого человека с ног до головы. – А зачем тебе это знать?

Незнакомец, напевая республиканскую песню, гордо поднял голову и посмотрел на Корантена. Оба с минуту глядели друг на друга, как два петуха, готовых ринуться в бой, и этот взгляд пробудил в обоих ненависть на всю жизнь. Голубые глаза незнакомца выражали прямодушие, зеленые глаза Корантена говорили о лжи и хитрости; один отличался врожденным благородством манер, другой лишь вкрадчивой повадкой; один устремлялся ввысь, другой сгибался; один внушал уважение, другой пытался его добиться; один, казалось, говорил: «Завоеюем!» – а другой: «Поделим!»

– Кто здесь будет гражданин дю Га Сен-Сир? – спросил вошедший в комнату крестьянин.

– Зачем он тебе? – спросил молодой человек, выступая вперед.

Крестьянин, низко поклонившись, подал ему письмо. Молодой питомец Политехнической школы прочел письмо и бросил его в огонь. Вместо ответа он наклонил голову, и крестьянин ушел.

– Ты, конечно, приехал из Парижа, гражданин? – спросил тогда Корантен, подходя к нему с каким-то развязным и в то же время угодливо-общительным видом, который, вероятно, показался гражданину дю Га невыносимым.

– Да, – сухо ответил он.

– И ты, верно, выпущен с каким-нибудь чином в артиллерию?

– Нет, во флот, гражданин.

– Ага! Ты, значит, едешь в Брест? – беспечным тоном спросил Корантен.

Но молодой моряк, не желая отвечать, быстро повернулся к нему спиной и вскоре опроверг лестное мнение, которое составила о нем мадмуазель де Верней, судя по его лицу. С ребяческим легкомыслием он занялся вопросом о завтраке: расспрашивал повара и хозяйку об их кулинарных рецептах; удивлялся провинциальным привычкам, как истый парижанин, вырванный из своей волшебной раковины, и проявлял брезгливость изнеженной модницы – словом, обнаружил полное отсутствие тех черт характера, о которых говорили его манеры и лицо. Корантен жалостливо улыбнулся, увидев, как он поморщился, с отвращением отведав лучшего нормандского сидра.

– Фу! – воскликнул он. – Да разве возможно проглотить эту гадость? Что, ее пьют или едят? Республика права, не доверяя такой провинции, где виноград сбивают палками, а путешественников исподтишка подстреливают на дорогах. Смотрите не вздумайте подать нам к столу графин с этим снадобьем, дайте хорошего бордо, белого и красного. А кстати пойдите посмотрите, жарко ли горит камин наверху. Право, эти люди очень отстали от цивилизации. Ах! – продолжал он, вздыхая. – Париж! В целом мире нет лучше города! Как жаль, что нельзя захватить его с собою в плавание. О горе-кулинар! – крикнул он повару. – Ты подливаешь уксус в фрикасе из курицы!.. Но ведь у тебя есть лимоны!.. А вы, почтеннейшая, – заявил он хозяйке, – вы дали мне такие грубые простыни, что я всю ночь ворочался и не мог сомкнуть глаз.

Затем он принялся играть своей толстой тростью, с детской старательностью выделявая всякие фигуры, – большая или меньшая их замысловатость и четкость свидетельствовали о более или менее почетном положении молодых людей в категории *«невероятных»*.

– И с помощью таких вот вертопрахов хотят возродить флот Республики, – шептал Корантен хозяину, вглядываясь в его лицо.

– Это какой-нибудь шпион, подсланный Фуше, – сказал молодой моряк на ухо хозяйке, – по физиономии видно, что он из полиции. Готов поклясться, что пятно на его подбородке – это парижская грязь. Но погоди, нашла коса на камень...

В эту минуту в кухне появилась какая-то дама, и молодой моряк бросился к ней навстречу с самым почтительным видом.

– Дорогая матушка, идите сюда, идите, – сказал он. – Я без вас, кажется, завербовал гостей.

– Гостей? – переспросила она. – Какое легкомыслие!

– Это мадмуазель де Верней, – тихо промолвил моряк.

– Мадмуазель де Верней погибла на эшафоте после Савенейского сражения, она приехала в Ман, надеясь спасти своего брата, принца Лудонского, – резко ответила ему мать.

– Вы ошибаетесь, мадам, – мягко сказал Корантен, подчеркивая слово «мадам». – Есть две мадмуазель де Верней, – в старинных родах всегда бывает несколько линий.

Незнакомка, удивленная таким бесцеремонным вмешательством, отступила на несколько шагов, словно желая окинуть взглядом своего неожиданного собеседника; она устремила на него живые черные глаза, исполненные чисто женской проницательности, и казалось, хотела разгадать, в чьих интересах он заявил о существовании второй мадмуазель де Верней. В то же время Корантен, украдкой изучая наружность этой дамы, отказал ей во всех радостях материнства, оставив за нею лишь радости любви: он галантно отказал ей в счастье иметь двадцатилетнего сына, ибо все в этой женщине вызывало в нем восхищение: ослепительная белизна кожи, все еще густые, изогнутые дугой брови, длинные, почти не поредевшие ресницы и пышные бандо черных волос, подчеркивавшие молодость ее умного лица. Легкие морщинки на лбу говорили вовсе не о прожитых долгих годах, но выдавали юные страсти. И если блеск пронизывающих глаз немного потускнел, трудно

было сказать, какая причина затуманила их: утомительное путешествие или слишком частые наслаждения. И, наконец, Корантен заметил, что незнакомка закутана в плащ из английской материи, а фасон ее шляпы, несомненно заграничной, не относится к какой-нибудь разновидности *греческой моды*, которая в те годы еще господствовала в парижских туалетах. Корантен принадлежал к породе людей, всегда склонных предполагать скорее дурное, чем хорошее, и сразу усомнился в благонадежности обоих путешественников. Дама, в свою очередь, с такой же быстротой произвела наблюдение над Корантеном и, повернувшись к сыну, посмотрела на него с многозначительным видом, который довольно точно можно передать следующими словами: «Что это за чудак? Из нашего он стана?» На эти безмолвные вопросы молодой моряк ответил позой, взглядом и жестом, которые говорили: «Право, ничего о нем не знаю. Мне он еще более подозрителен, чем вам». Затем, предоставив матери одной разгадывать тайну, он повернулся к хозяйке и сказал ей на ухо:

– Смотрите же, постарайтесь узнать, кто эта личность, действительно ли он сопровождает эту девицу и зачем?

– Итак, гражданин, ты уверен, что мадмуазель де Верней существует? – спросила г-жа дю Га, пристально глядя на Корантена.

– Существует, *мадам*, существует во плоти и крови, так же как и гражданин дю Га Сен-Сир.

Незнакомка прекрасно поняла затаенную глубокую иронию этого ответа, и любая женщина на ее месте почувствовала бы смущение. Сын ее внезапно посмотрел на Корантена пытливым взглядом, но тот хладнокровно вынул из кармашка часы, словно не замечая смещения, вызванного его ответом. Даму охватила тревога и желание немедленно узнать, скрывала ли эта фраза коварный умысел или была брошена случайно; самым естественным тоном она воскликнула, обращаясь к Корантену:

– Боже мой, до чего теперь ненадежны дороги! За Мортанью на нас напали шуаны. Мой сын едва не погиб, защищая меня: две пули пробили ему шляпу.

– Как, мадам? Вы были в той карете, которую разбойники ограбили, несмотря на то что ее сопровождал конвой? Представьте, мы прибыли сюда в этой самой карете! Вы, вероятно, ее узнаете. Проезжая через Мортань, я слышал, что шуанов было не меньше двух тысяч и что погибли все, даже путешественники. Вот как пишется история!

Легкомысленный тон и глуповатый вид Корантена придавали ему в эту минуту большое сходство с завсегдатаем «Маленького Прованса»¹⁸, когда тот с грустью слышит, что важная политическая новость оказалась ложной.

– Увы, мадам, – продолжал он, – если проезжих убивают так близко от Парижа, подумайте, какие опасности ждут нас на дорогах Бретани. Право, мне дальше не хочется ехать! Вернусь-ка я в Париж!

– Скажите, мадмуазель де Верней хороша собой и молода? – спросила у хозяйки дама, внезапно пораженная какой-то мыслью.

Ответа она не успела получить: хозяин доложил, что завтрак подан, и это прервало разговор, представлявший для троих собеседников какой-то мучительный интерес.

Молодой моряк предложил матери руку с подчеркнутой фамильярностью, подтверждая подозрения Корантена, и, направляясь к лестнице, громко проговорил:

– Гражданин, если ты сопровождаешь гражданку Верней и если она принимает предложение хозяина, не стесняйся, пожалуйста...

¹⁸ «Маленький Прованс» – так называлась излюбленная парижской «золотой молодежи» терраса для прогулок в парке дворца Тюильри.

Хотя эти слова были сказаны скороговоркой и не очень любезным тоном, Корантен тоже двинулся к лестнице. Молодой моряк крепко сжал даме руку и, когда они поднялись на семь-восемь ступенек выше парижанина, произнес еле слышно:

– Вот каким бесславным опасностям подвергают нас ваши безрассудные поступки. Если откроют, кто мы, как нам спастись? И какую роль вы заставляете меня играть?

Все трое вошли в довольно просторную комнату. Даже тот, кому не приходилось много путешествовать по Западной Франции, понял бы, что хозяин гостиницы щедро извлек все свои сокровища для приема гостей и обставил его с необыкновенной пышностью. Стол был сервирован старательно; яркое пламя топившегося камина выгнало из комнаты сырость; скатерть, салфетки, посуда, стулья были не очень грязны. Корантен по всему заметил, что хозяин, стремясь угодить постояльцам, *из кожи лез вон* (воспользуемся этим народным выражением).

«Значит, эти люди вовсе не те, кем они хотят казаться, – подумал он. – Молодой человек хитер. Я принимал его за дурака, а теперь вижу, что он, пожалуй, в ловкости не уступит и мне».

Молодой моряк, его мать и Корантен ждали мадмуазель де Верней, за которой пошел хозяин. Но прекрасная путешественница все не появлялась. Питомец Политехнической школы, подозревая, что она жеманится, вышел и, напевая патриотическую песню «Спасем мы наше государство», направился к комнате мадмуазель де Верней, горя желанием преодолеть щепетильность девушки и привести ее с собой. Быть может, он хотел разрешить свои тревожные сомнения, а может быть, намеревался испробовать на этой незнакомке ту власть, на которую притязает каждый мужчина при встрече с красивой женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.